Год жизни в Петербурге или Невыгоды третьего посещения

Надежда Андреевна Дурова

SHOUT
SHARE
IT

- Н. А. Дурова
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40

- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

Н. А. Дурова
Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения

Слово «невыгоды» очень еще недостаточно, очень милостиво в сравнении с тем злом, которого причиною бывает третие посещение.

Камень преткновения для всех действий… источник неудач… первый шаг к разочарованию… начало порчи всякого дела — третие посещение! Предпринимаю описать его последствия в предостережение людям, не имеющим, на внимание общества, других прав, как только какую-нибудь необыкновенность в жизни своей. И хотя б это было что-нибудь очень интересное, блистательное, великое даже, но если оно только одно в них, а все прочее нисколько не отвечает этому яркому лучу, то пусть они прочтут «Год жизни моей в Петербурге» и обеспечат себе успех в делах, доброе расположение знакомых, радушный прием, вежливое внимание и собственный мир души тем, что никогда, ни в какой дом не пойдут в третий раз.

Из этого исключаются искренние друзья и еще те люди, которых посещение и в триста третий раз будет казаться первым.

Прежде, нежели решилась я везти в столицу огромную тетрадь своих записок на суд и распоряжение Александра Сергеевича Пушкина, в семье моей много было планов и толкований о том, как это покажется публике, как примут, что скажут?.. Брат мой[1] приходил в восторг от одной мысли, какое действие произведет на публику раскрытие тайны столь необычайного происшествия, но видя, что я не разделяю его уверенности, старался ободрить и вразумить меня примером.

«Вы представьте себе, — говорил он, — что я, по какому-нибудь случаю, надел в юности женское платье и оставался в нем несколько лет, живя в кругу дам и считаясь всеми за даму. Неправда ли, что описание такого необыкновенного случая заинтересовало бы всех, и всякий очень охотно прочитал бы его. Всякому любопытно было бы знать, как я жил, что случалось со мною в этом чуждом для меня мире, как умел так подделаться к полу, которого роль взял на себя?.. Одним словом, описание этой шалости, или вынужденного преобразования, разобрали б в один месяц, сколько б я ни напечатал их… А история вашей жизни должна быть несравненно занимательнее».

Долго было бы описывать все доводы брата моего, которыми

он старался передать мне свои надежды на успех, и хотя я иногда увлекалась его красноречивыми описаниями, но чаще недоверие к себе брало верх над всем, что он ни представлял мне. Я думала, что буду очень смешна, появившись в Петербург с ничтожными записками для того, чтоб их напечатать.

«Не смею подумать, Александр Сергеевич! — писала я к славному поэту. — Не смею подумать представить глазам света картину воинственной жизни моей иначе, как под покровительством гения вашего».

«Посылаю вам несколько листков моих записок, и если вы найдете, что можно мне показать их свету, не опасаясь обвинения в дерзкой самонадеянности, то в таком случае сделайте мне честь напечатать их в вашем „Современнике“. Но если они таковы, какими кажутся мне самой, пришлите их обратно».

Я получила ответ, исполненный вежливости и похвал, и сверх этого предложение руководствовать в сем случае моею неопытностию. Такая радостная весть!.. Такое лестное одобрение от одного из первых поэтов в Европе чуть не вскружило мне головы. Мною овладело такое ж восхищение, какое испытывала еще в детстве, когда могла бегать в поле без надзора.

Теперь нерешимость моя исчезла, и я так же, как и брат мой, начала основывать кое-какие надежды на успех моих записок.

Однако ж нетерпению моему ехать в Петербург предстояло сильное препятствие: у меня не было денег для дороги. В наших местах это препятствие необоримо. Продать какую вещь? Ее оценят в грош. Занять? Забавная выдумка! Я однако ж решилась попробовать своего счастия на этом скользком и до крайности неприятном поприще.

У Мартына Задеки[2] означены дни счастливые и несчастные для всего, в том числе и для займов. В первый раз в жизни пожалела я, что, считая вздором выкладки мудрого астролога, не списала таблички этих дней, которую как-то нашла в туалетном ящике у покойного дяди моего. Итак, на риск — быть наказанною за неверие, отправилась я, не помню уже, в какой день генваря, к первому из наших уездных богачей, человеку довольно образованному, очень умному и до чрезвычайности вежливому.

Радушный прием, веселый и откровенный разговор, учтивость, упредительность моего будущего кредитора несколько обегчили для меня затруднительный приступ к этим проклятым словам: «одолжите мне взаймы вот столько-то», и я сказала их без большой тревоги духа.

— На что вам деньги?

— На дорогу; я хочу ехать в Петербург.

— В Петербург? Так далеко… Зачем это?

— Имею надобность.

— Э, полноте! Какая надобность! Живите с нами.

— Я, право, не шучу. Н*** Ив***, мне в самом деле надобно ехать, и чем скорее, тем лучше.

— Да что вы так вдруг вздумали? Полагая, что вопрос этот приведет дело к желаемому концу, я рассказала, какого рода моя надобность в Петербурге, и показала письмо Пушкина, которое, на всякий случай, взяла с собою вместо талисмана.

Богатый, вежливый хозяин мой прочел письмо, восхитился моим счастием, похвалил мое намерение издать записки. «Особливо, — повторял он несколько раз, — особливо, если они будут изданы Пушкиным. Это обессмертит ваше имя!»

— Итак, я могу надеяться, что вы исполните мою просьбу?

— Нет, Александр Андреевич, извините! Душевно бы желал быть вам полезным, но никак не могу.

Слово это от человека, у которого всегда наготове несколько десятков тысяч лежат в доме, показалось мне так смешно, что я не могла удержать невольной усмешки.

— Чему вы смеетесь?

— Вашему «не могу». К чему оно? Не лучше ль вместо его сказать: «не хочу». Это, я думаю, будет справедливее?

— Правда.

— Это дело другое. Но для чего ж вы не хотите? Разве думаете, что я не отдам вам?

— Думаю.

— Против этого сказать нечего. Всякий властен думать, как ему угодно… простите, Н*** Ив***.

— Прощайте, почтеннейший Александр Андреевич!.. Сделайте милость, жалуйте ко мне чаще, вы совсем забыли старика. Не угодно ли сегодня на вечерок? У меня будет много гостей.

— Постараюсь быть в числе их, простите.

— Простите! Ожидаю.

Я не слишком печалилась об этой неудаче! Суровость зимы, ее лютые, тридцатиградусные морозы охладили несколько рвение мое лететь в Петербург. Мне казалось благоразумнее будет дождаться весны.

Чрез месяц после неудачной попытки занять денег у богатого К…ва приехал в наш город один из прежних знакомых моего отца, человек очень добрый, хлебосольный и довольно зажиточный. Я увиделась с ним у одного из наших чиновников.

— Как, вы еще здесь, Александр Андреевич? У нас прошел слух, что вы давно уже в Петербурге.

— Я думаю ехать весною.

— Напрасно! Зимой езда самая лучшая: покойная и скорая, в десять дней вы будете на месте. Я советовал бы ехать теперь.

— Теперь у меня нет столько денег, чтоб доехать.

— А весною разве будут?

— Думаю, что будут. Я надеюсь, что Пушкин пришлет за отрывок, который я продал ему в его журнал.

— Чтоб ожидание денег от Александра Сергеевича не останавливало пути вашего, предлагаю вам взять у меня, сколько вам будет нужно для дороги, а мне дайте доверенность получать вашу пенсию.

— Очень охотно! Вы обязали меня выше всякого выражения.

— Вам сколько надобно?

— Тысячу рублей.

— Очень хорошо. Здесь нет со мною такой суммы, но я пришлю вам, как только приеду домой. Будьте уверены, что слово мое неколебимо, как гранитная скала.

Старый знакомец уехал. Через три недели я написала к нему, что если он расположен дать мне обещанную тысячу, то чтоб сделал одолжение, прислал ее теперь же, потому что мне давно уже пора ехать.

На это письмо ответа не было, через неделю я написала другое, этого ж содержания, на которое и получила ответ, что «мои намеки и переписка со мною до того наскучили, что желают уже прекращения ее!»

Расхохотавшись от души такому нежданному потрясению гранитной скалы — неколебимого слова старого знакомца и рассудя, что грубость его не заслуживает ни досады, ни ответа, я приняла опять первое свое намерение дождаться весны.

Настала и она. Смягчился грозный север, поля покрылись густою зеленью, оделись леса, дружно зашумели, заговорили. Величественная Кама разлилась, как море, и вот природа из угрюмой седой старухи сделалась молодою красавицею.

Теперь, видно, в дорогу, а денег все-таки нет!.. Наконец сестра отдала мне все свое богатство, состоявшее в восьмистах рублях ассигнациями, и я стала поспешно сбираться в свой дальний путь, помышляя о справедливости смысла одной басни Крылова, где он описывает, что маленькие птички очень всхлопотались, услышав крестьянина… Ну да бог с ними… Я думаю, эту басню всякой знает.

— Поезжайте без подорожной, — говорят мне родные, — с нею у вас выйдет много денег; надобно заплатить пошлинные ассигнациями, прогоны ассигнациями, от Москвы до Петербурга — вдвое! Это ужас, сколько вы издержите. Не берите, бог с нею! Вольные повезут дешевле, и плата серебром.

Я последовала этому необдуманному совету, не сообразя того, что еду в самую ту пору, в которую начинаются полевые работы у крестьян.

Почти всегда и во всякой невзгоде бываем мы виноваты сами, хотя никогда не признаемся в этом. С подорожной я заплатила бы от Казани до Петербурга не более трехсот рублей, без нее я издержала ровно шестьсот.

Вольные ямщики очень подробно вычисляли, чего бы мне стоило проехать на почтовых станцию, и требовали с меня гораздо более.

Несколько станций пробовала я брать лошадей почтовых, и меня очень забавляли кривлянья и миганья с таинственным видом некоторых смотрителей, приведенных в восторг тем, что к ним прикатил без подорожной человек, вид которого показывал не имеющего понятия ни о каких хитростях. Впрочем, приступ начинался всегда по форме: смотритель садился за стол, развертывал книгу, оборачивал голову к двери и, крикнув:

— Проворнее лошадей! — оборачивался тотчас ко мне: «Вашу подорожную?»

— У меня нет ее, — отвечала я откровенно.

В ту же секунду глаз смотрителя прищуривался, из уст излетало таинственное: «Цсс! Не надобно, чтоб эти канальи что-нибудь знали!.. Вы, пожалуйста, мне полтинничек, и я скажу, чтоб и на той станции дали вам лошадей». Полтинничек отдавался беспрекословно, и канальи, которым не надобно ничего знать, зная все как нельзя лучше, пересказывают другим, своим и вольным, что вот перепархивает птица, у которой «подрезаны крылья».

На другой станции было все уже готово: прежде нежели я подъезжала к крыльцу, лошадей выводили, и каких лошадей! — настоящие львы! Надобно думать, что для подобных мне контрабандных проезжающих у господ смотрителей-спекуляторов есть особливые тройки лошадей, особливые ямщики и даже особливые дуги и колокольчики, по которым они узнают, что едет пожива для них.

После нескольких станций, на которых надобно было платить налево и направо, за все и про все, да еще и очень дорого, поехала я опять на вольных, но тут было еще хуже. «А что, — спрашивали крестьяне моего мальчика, которого я посылала нанимать их лошадей, — а что, разве на почте нет лошадей?» «Есть, — отвечал умный посланный, — да не дают: у барина нет подорожной…» Крестьяне взглядывались между собою: «Поезжай, Терешка, у тебя есть кони дома». «Не хочется. Вчера возил купца: кладь была тяжела, перепалились больно! Да ты что не едешь?»

«У меня только что с поля воротились… Ну, да уж так и быть, повезу на усталых. Кони добрые, как раз долетят… Три синеньких до станции… Сейчас запрягу».

К довершению неприятности моего пути, карандас[3] мой был трясок, как простая телега, от которой он разнится только своею чудовищною длиною, но как в той, так и в нем, рессор нет. Собачка моя не знала, какое принять положение, чтоб утвердиться на месте: то ложилась ко мне на колени, то протеснялась за спину, то уходила в ноги, но, видя, что везде одна немилосердная тряска, растягивалась посредине карандаса и оставалась уже так до станции.

Наконец двадцать четвертого мая тридцать шестого года кончилось все: тряска, кривлянья, миганья, выдача полтинников, четверные прогоны — всему, всему конец! Я в Петербурге, я опять вижу тебя, великолепное жилище царей нашей! Славная столица русская! — думала я, рассматривая знакомые здания, улицы, набережные.

— Где вы остановитесь, барин? — спрашивал ямщик.

— В трактире.

— В каком прикажете?

— Я не знаю, поезжай туда, где обыкновенно останавливаются приезжие.

— Да вот здесь трактир, в двух шагах от нас. Мы часто сюда привозим господ.

— Есть там особливые комнаты?

— Как не быть!

— Ну хорошо, подъезжай ближе.

Взошед на лестницу, я увидел много таких предметов, по которым могла сделать заключение, что я в харчевне, и хотела было сойти обратно. «Что вам угодно? Не комнату ли?» — спрашивал меня кто-то, проворно выскочивший из залы. «Комнату… разве они у вас есть? Ведь это харчевня?» — «Помилуйте-с, какая харчевня! Кажется, изволили видеть надпись: это ресторация. Комнаты у нас прекрасные, угодно занять?» — «Да! Скажи человеку, чтоб въехал во двор».

Я пошла за мальчиком еще выше на лестницу, в третий этаж; он отворил дверь в комнату, маленькую, полосатую, угольную и вместе треугольную; в ней было натоплено, несмотря на то, что день был и без того нестерпимо жарок.

— Лучше этой нет? — спросила я, отступая от двери.

— Нет, теперь все заняты.

Я рассудила, что одни сутки могу прожить и в этом жарком треугольнике, что удобнее будет искать квартиру пешком, нежели таскаться из улицы в улицу в тряском карандасе и на усталых

лошадях.

Итак, уступая необходимости, расположилась я на двадцать четыре часа в треугольном полосатом ящике, в котором к нестерпимому жару присоединялись бесчисленные рои мух. Я отворила окно, одно только, другого не было, и зло, вместо уменьшения, увеличилось: мух налетело ко мне втрое более, нежели было. Видно, майский воздух казался им слишком свеж и не так благоуханен, как воздух моей комнаты. И надобно признаться, что в выборе своем они были правы: ко мне проходило и тепло, и запах из кухни, чего ж лучше для мух!

Когда из карандаса было все выбрано, внесено в комнату, расположено в порядке, начался мой туалет. Я очень помнила описание невыгодного появления на Невском проспекте Кемского[4] и совсем не хотела быть ни в чем похожею на него. Надобно, чтоб платье его было какого-то дьявольского покроя, когда уже навлекло ему насмешки людей, вовсе незнакомых. Хоть я была уверена, что нигде так снисходительно не смотрят на все невыгодное в отношении к одеянию, как в нашей столице; что можно быть одету как угодно просто, скромно, бедно, по-старинному — никто и виду не покажет, что заметил это; однако ж занялась тщательно преобразованием своим из путешественника, запыленного, загоревшего, обветревшего, у которого волосы два вершка длиннее, чем должно, нахмуренного, озабоченного — в чистого, красиво одетого жителя столицы. Длинные волосы укоротились и завились, какая-то косметическая вода возвратила лицу моему цвет, по которому никто бы не мог заключить, что я проехала две тысячи верст весною и что во всю дорогу пыль покрывала меня и солнце жгло беспрепятственно. Остальное одеяние мое отвечало во всем старательно убранной голове, и я вышла наконец из своего треугольного чистилища точно так же, как пишется в русских сказках, что в одно ушко влез, а в другое вылез молодцом.

Сошед с лестницы на улицу, я направила шаги мои прямо на Невский проспект, к гостиному двору, к Казанскому собору. Пятнадцать лет не была я в Петербурге. Как все переменилось, сколько прибавилось огромных зданий, столица сделалась гораздо обширнее, величественнее, сады украсились, разрослись. Петербург стал лучше, нежели был. Но при всем этом какая грусть теснит душу мою! Вид памятника Александру[5] заставил меня горестно всплеснуть руками, с невыразимою печалью смотрела я на высокую колонну и ангела с крестом.

Грустные воспоминания отняли у меня охоту идти куда-нибудь еще, я возвратилась в свою ресторацию; а как дня оставалось еще много, то занялась снова укладыванием вещей и

платья в чемодан, для того чтоб завтра как можно ранее переехать на другую квартиру, и именно в трактир Демута.[6] Мне казалось очень неприличным принять Пушкина в таком фонаре, какой я занимала.

На новой квартире своей я живу под облаками; мне достался номер в четвертом этаже. Что подумает Александр Сергеевич, когда увидит, сколько лестниц надобно будет пройти ему? Однако ж нечего делать. К лучшим номерам приступу нет, по крайности для меня, потому что у меня осталось только двести рублей, а в виду ничего еще покамест. Хорошо, если Пушкин отдаст мне мою тысячу рублей теперь же, а если нет?

Я написала к Александру Сергеевичу коротенькую записочку, в которой уведомляла его просто, что я в Петербурге, квартирую вот тут-то.

На другой день, в половине первого часа, карета знаменитого поэта нашего остановилась у подъезда. Я покраснела, представляя себе, как он взносится с лестницы на лестницу и удивляется, не видя им конца. Но вот отворилась дверь в прихожую. Я жду с любопытством и нетерпением! Отворяется дверь, и ко мне… но это еще пока мой Тишка, он говорит мне шепотом и вытянувшись: «Александр Сергеевич Пушкин!» — «Проси!» Входит Александр Сергеевич… к этим словам прибавить нечего.

Я не буду повторять тех похвал, какими вежливый писатель и поэт осыпал слог моих записок, полагая, что в этом случае он говорил тем языком, каким обыкновенно люди образованные говорят с дамами. Впрочем, любезный гость мой приходил в приметное замешательство всякий раз, когда я, рассказывая что-нибудь относящееся ко мне, говорила: «был, пришел, пошел, увидел». Долговременная привычка употреблять «ъ» вместо «а» делала для меня эту перемену очень обыкновенною, и я продолжала разговаривать, нисколько не затрудняясь своею ролею, обратившеюся мне уже в природу. Наконец Пушкин поспешил кончить и посещение и разговор, начинавший делаться для него до крайности трудным.

Он взял мою рукопись, говоря, что отдаст ее сейчас переписывать, поблагодарил меня за честь, которую, говорил он, я делаю ему, избирая его издателем моих записок, и, оканчивая обязательную речь свою, поцеловал мою руку. Я поспешно выхватила ее, покраснела и уже вовсе не знаю для чего сказала: «Ах, боже мой! Я так давно отвык от этого!» На лице Александра Сергеевича не показалось и тени усмешки, но полагаю, что дома он не принуждал себя, рассказывая домашним обстоятельства первого свидания со мною, верно, смеялся от души над этим

последним восклицанием.

28-е мая. «Что вы не остановились у меня, Александр Андреевич? — спрашивал меня Пушкин, приехав ко мне на третий день. — Вам здесь не так покойно. Не угодно ли занять мою квартиру в городе? Я теперь живу на даче».

«Много обязан вам, Александр Сергеевич, и очень охотно принимаю ваше предложение. У вас, верно, есть кто-нибудь при доме?»

«Человек, один только. Я теперь заеду туда, прикажу, чтоб приготовили вам комнаты».

Он уехал, оставя меня очарованную обязательностию его поступков и тою честию, что буду жить у него, то есть буду избранным гостем славного писателя.

30-го мая. Сего дня принесли мне записку от Александра Сергеевича. Он пишет, что прочитал всю мою рукопись, к этому присоединил множество похвал и заключил вопросом: переехала ль я на его квартиру, которая готова уж к принятию меня.

Я послал своего лон-лакея, которого необходимо должна была нанять, потому что мой Тишка из всякой командировки, хотя б она поручалась ему на рассвете, возвращался непременно по закате солнца. Послала узнать, можно ли переехать в дом, занимаемый Александром Сергеевичем Пушкиным? И получила очень забавный ответ, что квартира эта не только не в моей власти, но и не во власти самого Александра Сергеевича, что как он переехал на дачу и за наем расплатился совсем, то ее отдали уже другому.

Я не знала, что подумать о такой странности, и рассудила, что лучше вовсе не думать о ней. Отписала к Пушкину о разрушении надежд моих на перемещение; поблагодарила его за благосклонный отзыв о записках моих и просила его поправить где найдет нужным: «Вы, как славный живописец, который двумя или тремя чертами кисти своей делает из карикатурного изображения небесную красоту, можете несколькими фразами, несколькими даже словами дать моим запискам ту занимательность, ту увлекательность, ту чарующую гармонию, по которым ваши сочинения узнаются среди миллиона других».

Я не льстила, писавши это. Дышу презрением к этому низкому способу выигрывать расположение людей, и к тому я более способна сказать колкость, нежели лесть. Но в отношении к дарованиям славного поэта я точно так думала, как писала, и всегда считала, что он из скромности только подписывается под своими стихотворениями, но что они вовсе не имеют в этом надобности, что их можно узнать и без подписи.

Отправив записку, я отправилась и сама взглянуть на те

места, в которых жила четыре года.

Сколько воспоминаний столпилось в сердце и уме моем при виде низенького углового домика в Коломне![7] Вот его зеленые жалюзи. Вот сад, густой, тенистый. Деревья его и теперь, как прежде, видны были через забор. Вот маленькая терраса.

Это был когда-то дом моего родственника, я жила в нем более двух лет. Как все здесь знакомо мне и знакомо не просто. Вот здесь проезжала карета, стук колес ее я умела отличать от стука колес всех карет, сколько их есть в Петербурге.

Пятнадцать лет исчезли! Мне казалось, что я по-прежнему опять иду к Аларчину мосту, оттуда к Калинкину, к Триумфальным воротам… на дачу, на дачу! Смотрю на нее и не узнаю. Кто-то живет здесь теперь? Отчего вся эта сторона смотрит какою-то фабрикою? О, пятнадцать лет, оставили вы здесь следы свои.

Я прошла на Козье болото. Как любила я эту площадь, не вымощенную камнем! Ее уже нет, она застроена. Воспоминания мои не знают, куда приютиться. Однако ж это то место, где я часто и охотно бывала. Здесь жил ротмистр Ска-в, которого я знала еще тогда, как он и я были гусарами. Как я радовалась, что опять увижу его и жену его, добрую и веселую молодую женщину. Я забыла, что этому прошло пятнадцать лет.

Отворяю ворота, всхожу на знакомую лестницу, ожидаю услышать, по обыкновению, визгливый лай двух или трех маленьких собачек — напрасно. Все тихо, и двери заперты. Я постучалась, отпирают… Довольно было взглянуть на отворившего мне дверь, чтоб не спрашивать уже: «Дома ли господа Ска-вы?» Я спросила только: «Кто живет здесь?» Мне сказали немецкую фамилию. «А Ска-в?» «Кто?» «Ска-в». «Не знаю». Дверь опять затворилась.

После я узнала, что Ска-в умер, а молодая, веселая госпожа Ска-ва сделалась дородною, пожилою женщиною, очень бедною. Тогда только я вспомнила, что этому прошло пятнадцать лет уже, как я рассталась с ними.

Итак, нет в этой стороне ни родных, ни друзей моих. Прости, Коломна!.. Разве еще в глубокой старости приеду я сюда, чтоб впоследствии взглянуть на все то, на что смотрю теперь и на что смотрела пятнадцать лет тому назад. Теперь я еще понимаю тогдашние ощущения, понимаю, что за потерю их нельзя заплатить человеку сокровищами всего света! Теперь я могу еще забыть пятнадцать лет, забыть и радостно пройти по дачам Раля, княгини Вяземской, Нарышкиной, с восторгом прочитать знакомые надписи, отыскать между ними свои и так многое припомнить. Но тогда я, верно, пойду медленно, нога за ногою,

опираясь на трость. Может, какая из надписей, особливо на деревьях, уцелеет, я прочитаю ее сквозь очки, качая седою головою и говоря: «Какое безумие!»

Этот день был для меня скучен. Бог знает, где мои родные. Знакомых много умерло. Поеду еще завтра на Васильевский остров.

Убеленный сединами, В. П. Жу-ский[8] сидел на диване, когда я вошла.

— А! — воскликнул он, вставая и целуя меня. — Александров! Вы ли это появились снова в наших местах?

— Как видите, В. П. Но как же вы узнали меня так скоро? Разве я мало переменился?

— Почти нисколько! Вот я так старик стариком, сед, как лунь!

Я не смела сказать, что он совсем не похож на старика, чтоб он не подумал, что я плачу′ приветствием за приветствие. Итак, я промолчала, но в самом деле лицо его было живым противоречием его волосам, потому что оно было свеже и румяно, а последние точно белы, как снег.

Минут через пять пришла жена его, когда-то живая, черноглазая красавица, а теперь уже довольно пожилая дама. Она тоже сказала мне, что я мало переменилась и что пятнадцать лет пролетели, не задев меня ни одним пером крыльев своих. Через час посещение мое кончилось.

Ах, как грустно увидеться с кем бы то ни было через пятнадцать лет! Этого мало, что лицо не то, но и поступки, разговор, образ мыслей, самые телодвижения — все так изменится, что видишь, знаешь, что это вот тот самый, кого знал прежде, и все-таки думаешь: «Нет! Это не он».

Александр Сергеевич приехал звать меня обедать к себе:

— Из уважения к вашим провинциальным обычаям, — сказал он усмехаясь, — мы будем обедать в пять часов.

— В пять часов? В котором же часу обедаете вы, когда нет надобности уважать провинциальных привычек?

— В седьмом, осьмом, иногда и девятом.

— Ужасное искажение времени! Никогда б я не мог примениться к нему.

— Так кажется. Постепенно можно привыкнуть ко всему.

Пушкин уехал, сказав, что приедет за мною в три часа с половиною.

С ужасом и содроганием отвратила я взор свой от места, где несчастные приняли достойно заслуженную ими казнь.[9] Александр Сергеевич указал мне его.

Искусственная природа бывает иногда так же хороша, как и

настоящая. Каменный остров, где Пушкин нанимает дачу, показался мне прелестен.

С нами вместе обедал один из искренних друзей Александра Сергеевича господин П…в,[10] да три дамы, родственницы жены его; сама она больна после родов и потому не выходила.

За столом я имела случай заметить странность в моем любезном хозяине. У него четверо детей, старшая из них, девочка лет пяти, как мне казалось, сидела с нами за столом. Друг Пушкина стал говорить с нею, спрашивая: не раздумала ль она идти за него замуж? «Нет, — отвечало дитя, — не раздумала». «А за кого ты охотнее пойдешь, за меня или за папеньку?» «За тебя и за папеньку». «Кого ж ты больше любишь, меня или папеньку?» «Тебя больше люблю и папеньку больше люблю». «Ну а этого гостя, — спросил Александр Сергеевич, показывая на меня, — любишь? Хочешь за него замуж?» Девочка отвечала поспешно: «Нет, нет!» При этом ответе я увидела, что Пушкин покраснел. Неужели он думал, что я обижусь словами ребенка? Я стала говорить, чтоб прервать молчание, которое очень некстати наступило за словами девочки: «Нет, нет!» и спросила ее: «Как же это! Гостя надобно бы больше любить». Дитя смотрело на меня недоверчиво и наконец стало кушать. Тем кончилась эта маленькая интермедия. Но Александр Сергеевич! Отчего он покраснел? Или это уже верх его деликатности, что даже и в шутку, даже от ребенка не хотел бы он, чтоб я слышала что-нибудь не так вежливое? Или имеет странное понятие о всех живущих в уездных городах?

Наконец я отыскала родных своих и переехала жить в соседство к ним, на Пески, недалеко от одного из лучших садов Петербурга — от Таврического.

Эта часть города считается слишком удаленною от всего, что манит любопытство и выманивает деньги, и потому квартиры здесь несравненно дешевле, нежели на Литейной, Миллионной или на которой-нибудь из набережных.

Как я рада, что эту прекрасную часть города считают не так блистательною. Без этого ложного поверья квартиры здесь были б дороже всего дорогого: для того, что, кроме здорового воздуха, близости Невы, прекрасных видов ее другого берега, она имеет пред прочими местами то неоцененное преимущество, что как бы ни было велико наводнение, до нее не достигает.

Каким странным свойством наделила меня природа! Все, что только налагает законы моей воле, предписывает границы моей свободе, как бы ни было прекрасно по себе, теряет в глазах моих всю привлекательность. Что может быть лучше соседнего сада? Это рай, уединенный, тенистый, благоухающий рай! Но… вокруг

его забор с колючками… довольно этого! Я переезжаю за Неву и охотнее гуляю по болотам между Охтою и пороховыми заводами, нежели в раю, похожем… в раю огороженном!

15-го июля. Сегодня опять был у меня Александр Сергеевич. Он привез с собою мою рукопись, переписанную так, чтоб ее можно было читать. Я имею дар писать таким почерком, которого часто не разбираю сама, и ставлю запятые, точки и запятые вовсе некстати, а к довершению всего у меня везде одно «е».

Отдавая мне рукопись, Пушкин имел очень озабоченный вид. Я спросила о причине. «Ах, у меня такая пропасть дел, что голова идет кругом! Позвольте мне оставить вас, я должен быть еще в двадцати местах до обеда». Он уехал.

Две недели Александр Сергеевич не был у меня. Рукопись моя лежит, пора бы пустить ее в дело. Я поехала сама на дачу к Пушкину — его нет дома.

«Вы напрасно хотите обременить Пушкина изданием ваших записок, — сказал мне один из его искренних друзей и именно тот, с которым я вместе обедала. — Разумеется, он столько вежлив, что возьмется за эти хлопоты и возьмется очень радушно, но поверьте, что это будет для него величайшим затруднением, он с своими собственными делами не успевает управиться, такое их множество, где же ему набирать дел еще и от других. Если вам издание ваших записок к спеху, то займитесь ими сами или поручите кому другому».

Мне казалось, что Александр Сергеевич был очень доволен, когда я сказала, что боюсь слишком обременить его, поручая ему издание моих записок, и что прошу его позволить мне передать этот труд моему родственнику. Вежливый поэт сохранил, однако ж, обычную форму в таких случаях. Он отвечал, что брался за это дело очень охотно, вовсе не считая его обременением для себя. Но если я хочу сделать эту честь кому другому, то он не смеет противиться моей воле. «Впрочем, — прибавил он, — прошу вас покорнейше во всем, в чем будете иметь надобность в отношении к изданию ваших записок, употреблять меня, как одного из преданнейших вам людей».

Так-то я имела глупость лишить свои записки блистательнейшего их украшения, их высшей славы — имени бессмертного поэта! Последняя ли уже это глупость? Должна быть последняя, потому что она уже самая крупная!

Записки мои печатаются. Но я ни о чем так мало не думаю, как о них, и ни от чего не ожидаю так мало пользы, как от них.

Не тою дорогою пошла я, которою надобно было идти. Теперь я вижу ее. Ах, как она была б выгодна для меня. Теперь светло вокруг меня, но поздно!

Августа 29-го. Вчера, часу в шестом вечера шла я с Невского проспекта на свои любезные Пески. Вдруг мальчик лет одиннадцати заступает мне дорогу и вскрикивает: «Александр Андреевич!» Я взглянула на него: «Что тебе надобно, друг мой?» «Как, разве не узнаете меня?» «Нет». «Я — Володя, вы жили в нашем доме в Уфе». При этом напоминании малютки я тотчас его узнала. «Где ж твоя маменька, Володя?» «Здесь, в Петербурге, мы живем в Моховой, пожалуйте к нам. Это очень близко. Как маменька обрадуется! Она всякой день вспоминает об вас».

Мы пришли в Моховую и взошли в ворота большого каменного дома, прошли под ними, перешли вкось весь двор, к самому углу его. Тут было небольшое крыльцо, довольно гладкое. «Маменька, маменька! — кричало дитя с восторгом, подходя к лачужке, в которую вело это крыльцо. — Посмотрите, кого я привел к вам!» Мать выглянула в форточку окна и в секунду была уже на крыльце: «Здравствуйте, мой добрый друг, здравствуйте! Ах, Володя, как ты мил, дитя мое, что ты отыскал моего доброго Александрова! Хотите чаю? Не хотите ли кофе?.. мороженого? Ну, садитесь, да вот сюда, поближе к окну. Дайте посмотреть на себя. Ведь целые три года прошли, как вы уехали от нас из Уфы. А я вскоре после вас продала дом и приехала сюда, чтоб пристроить своего Володю, да вот все еще не успела».

Между тем как добрая госпожа С…ва рассказывала, спрашивала и опять рассказывала, не дождавшись ответа, я рассматривала с удивлением и вместе с сожалением ее квартиру, о которой она раза три уже спросила меня: «Не правда ли, что у меня прекрасная квартира?»

Эта прекрасная квартира была не что иное, как сырой, холодный, закоптелый ящик, перегороженный надвое, с простою, русскою печью, с четвероугольными тусклыми окнами, в самом низу дома и в приятном соседстве погребов и конюшен. Беднейшая мебель, какую только можно себе представить, была приличным дополнением к этой прекрасной квартире. Услыша, что моя добрая приятельница в четвертый раз начинает: «неправда ли…», — я прервала ее вопросом, сколько она платит за этот будуар?

— Двадцать рублей, mon ami,[11] — отвечала она весело.

— Есть за что! Знаете ли, что за эту цену вы могли бы иметь на Васильевском острове, в Коломне или на Песках три комнаты с прихожею и кухнею.

— Может быть, но ведь это такая ужасная даль!

— От чего?

— Ну… от всего…

— От чего, однако ж?

— У меня здесь много знакомых.

— Бог с ними! Ваши знакомые не подумают об вас, когда вы занеможете от этого погреба, который величаете прекрасною квартирою.

— Что делать mon ami, — сказала С…ва со вздохом, и веселый вид ее изменился на грустный. — Что делать? С приезда моего сюда я квартировала еще хуже. Здесь, по крайности, я могу ходить и стоять прямо, а у меня была комната, в которой только мой Володя устанавливался во весь рост. Что делать? Я задолжала здешней хозяйке дома, нельзя съехать от нее, не расплатившись за все время, сколько прожила, а для этого у меня нет денег.

Я от всей души жалела, что нескромными расспросами довела ее до этого неприятного признания.

— Квартира моя бедна, Александров, — сказала госпожа С… ва, прощаясь со мною, — но я имею прекрасные знакомства, у меня бывают люди очень образованные, которых ум и приятные таланты сделали бы честь всякому кругу, высокому, не только мрачной хижине бедной вдовы С…вой! Надеюсь, вы будете, как бывали прежде, моим вседневным гостем?

— Но здесь ведь не Уфа, мой добрый друг, и я не квартирую у вас, как было там. У меня есть занятия и тоже знакомства. Не могу обещать вам приходить каждый день, но буду у вас так часто, как только возможно. Довольны вы этим обещанием?

— Нет! Я привыкла видеть вас каждый день.

— Как? Вы не видали меня три года!

— Тогда вас не было здесь, но когда уже мы в одном городе, когда уже вы пришли ко мне, то надобно, чтоб это было по-прежнему. Вспомните Уфу: вы приходили ко мне каждое утро и тогда, как не квартировали еще у меня.

— Я, может быть, и здесь буду приходить к вам каждое утро, но только не считайте этого непременным. Если когда не прийду, не посылайте узнавать, что со мною, куда уехала, прийду ли, когда прийду.

— Ну, ну, там увидим. Ожидаю вас к себе всякой день. Приходите завтра пить кофе.

Я пошла домой, размышляя о странном характере моей знакомки. Это олицетворенная доброта. Она верит дружбе, честности, праводушию, бескорыстию. Всякому дурному поступку своих знакомых находит извинение и всегда готова отказаться от своего мнения и согласиться с самою дикою нелепостью, если только эта нелепость утверждается человеком, ею любимым. Я никогда еще никого не знала и не видела, кто б более ее был полезен другим и вреден себе.

Когда она рассказывает о ком, высчитывает его хорошие качества и прибавляет: «Я очень люблю его, или ее!» — то мне всегда приходит охота спросить: «Но кого ж вы не любите?» Всякой бедный, всякой бесприютный найдет и кусок хлеба и место, где укрыться от дождя, от снега, от невыгоды ночевать на улице, найдет в ее темном, сыром чулане. Если б ее похвалы принимались за наличную монету и если б по ним оценивались достоинства тех, кого она осыпает ими, то я была бы уже генералиссимусом — так много во мне воинских доблестей, сияющих, как солнце! Похвалы доброй С…вой опаснее и вреднее всякой хулы. Один из наших общих с нею знакомых сказал ей, что она хвалит всех наповал. Я ничего не знаю справедливее этого выражения, оно как нельзя лучше изображает всеразрушающий поток ее похвал, с корнем вырывающий всякое доброе мнение, какое могли бы иметь прежде о хвалимой ею особе.

Я умоляла ее именем той дружбы, которую она точно имеет ко мне, чтоб она нигде и никогда не хвалила меня, и сказала ей прямо, что чрезмерность ее добрых слов вредит всякому, что расхваленный ею человек чувствует себя убитым, уничтоженным, не рад жизни оттого, что на него смотрят с удивлением, не находя в нем ничего даже похожего на то описание, какое вы сделали об нем.

На другой день, как нарочно, я не имела времени зайти к госпоже С…вой поутру, а к вечеру уехала на дачу к князю Д…ву.[12] Там я, кроме того, что имела удовольствие возобновить старое знакомство с семейством его, сделала еще несколько новых. Особливо мне очень приятно было узнать двух молодых графов К…х, сыновей моего бывшего начальника.

Общество старого князя Д…ва состоит и теперь так же, как состояло прежде, из людей образованных, с дарованиями и что еще реже и лучше дарований — с добрым сердцем и благородною душою. Никогда ни одного дурного человека не встречала я в радушном, светлом, теплом и веселом доме князя Д…ва. Многочисленная семья его во всем похожа на него: все они добры, ласковы и вежливы. Дочь князя, которую я знала еще, когда она носила волосы, завитые a′ la tirebouchon[13] и была очень миленькая, черноглазая брюнеточка четырнадцати лет, теперь дама, мать многих детей, и как была, так и осталась: святое добродушие. Свет, его примеры, богатство, почести не исказили ее прекрасной души — она все та же.

Я провела у них дней пять, жила в прекрасном маленьком чердачке, похожем на палатку; читала, гуляла по дачам, из которых Князева лучшая; ездила верхом на маленькой лошадке, которая имела дурную привычку скакать во весь дух на всякую

гору, хотя б седок ее вовсе того не хотел; видела много дам, прогуливающихся верхами, и всегда уезжала от них далее: мне стыдно было, что у меня лошадка, а не конь боевой и что эта лошадка подчас может и унести меня, как Лерда Домбидейкса,[14] совершенно против воли, что во всяком случае очень смешно, а для меня даже убийственно: может ли кто ожидать, что рука управлявшего некогда Алкидом не может справиться теперь с детскою лошадкою!

Приехав обратно в город, я узнала от своего мальчика, что госпожа С…ва присылала каждый день узнать, возвратилась ли я, и раза три приходила сама. Вот неугомонная женщина и неугомонная дружба ее! Надобно, однако ж, отправиться в Моховую. Говорят: старый друг лучше новых двух.

Молодая Т…ская — женщина редких достоинств: и добродушна и простодушна, как дитя. Я очень удивилась, увидя в мрачном угле, обитаемом госпожою С…вою, даму хорошего тона. Видно, думала я, приятельница моя не увеличивала, по обыкновению, когда говорила, что имеет хорошие знакомства.

Т…ская очень хороша собой, недавно замужем и не имеет еще, как кажется, и двадцати лет от роду. К С…вой она приехала с мужем, молодым и прекрасным человеком. Я познакомилась с ними очень скоро.

— Ну, что, — спросила меня С…ва на другой день, когда я пришла к ней поутру, — что! Каковы Т…ские? Особливо она, что за ангельская душа! Что за…

— Постойте, ради бога, постойте! Дайте мне самой узнать их хорошие качества. Они приглашали меня приезжать к ним запросто, когда мне вздумается, и я хочу завтра идти к ним поутру.

— Подите, mon ami! Вы увидите, что это за люди. Какой тон! Какой дом! Не их, но все равно: как меблирован! Одна мебель стоит двадцать тысяч! С каким вкусом сделана, великолепная мебель!

— Да утишится ли когда-нибудь восторг ваш! Впрочем, мебель, пожалуй, хвалите сколько угодно, потому что если она ровно двести раз будет хуже того, как вы ее опишете, то в этом еще никто ничего не теряет.

— С чего, однако ж, взяли вы ни в чем не верить мне? Да вот я сейчас докажу вам, что говорю правду. У меня есть одно такое кресло, как вся мебель у Т…ских.

— Как! В двадцать тысяч?..

— Не в двадцать тысяч, а только точно такое. Между тем как она пошла за ширмы, чтоб вытащить оттуда какие-то заветные

кресла, я взяла шляпу.

— Ну, что теперь скажете? Не прелесть ли это! — говорила она, ставя передо мною кресла так, чтоб загородили мне дорогу к дверям.

— Правда, правда! Это в самом деле какой-то отрывок роскоши и богатства.

— То-то же! Не все же я хвалю очертя голову без пощады, наповал — любимые ваши выражения.

Она понесла в торжестве свои кресла на прежнее их место, говоря мне: «Не бегите же, не бегите! Куда вы? У меня кофе готов. Я жду гостей, ко мне приедут…» Она сказала фамилии трех или четырех молодых людей, которых ожидала, и хотела было делать восторженное описание их наружности, ума, дарований, поступи, телодвижений… И я уже с отчаянием положила шляпу и села на стул, чтоб переносить эту пытку, как вдруг хвалимые вошли.

Вот уже пятый месяц, как я здесь. Наступила осень, вечера делаются долги и скучны. Хоть я и познакомилась с несколькими домами посредством молодой Т…ской, но мне очень трудно примениться к их образу жизни: мучительный вечер их, простой домашний вечер начинается в девять часов.

Девять часов! Пора, которую все мы, когда-либо обитавшие в лагерях и на биваках, привыкли считать порою священною. Мне кажется, я и теперь еще слышу важный и торжественный звук труб, играющих «Да исправится молитва моя!», и в эту-то самую пору я должна одеваться, завивать волосы, свесть с ума своего мальчика поспешным требованием то того, то другого, с нетерпением оттолкнуть свою собачку, которая, встревожась безвременными сборами куда-то, ласкается, ложится ко мне на руки, жмется к груди и белою шерстью своею марает мой черный фрак. И для чего ж я делаю все это: одеваюсь, досадую, тороплюсь, отталкиваю? Для того только, чтоб ехать верст за шесть или за пять, верстою ближе или дальше, в какой-нибудь дом, где я через полчаса уже чувствую себя совершенно лишнею, потому что все или играют или танцуют. Играть я не люблю, танцевать как-то не приводится, да и было бы смешно: я должна танцевать с дамою! Какая ж из них пойдет со мною охотно? И в этом случае я тоже плачу им совершенною взаимностью. Нет, нет! На балах, вечерах не в своей тарелке я.

Первая часть моих Записок вышла и, как масло, расплылась повсюду, не принеся мне никакой прибыли, кроме нестерпимой скуки слышать, что всякий начинает и оканчивает разговор со мною не иначе, как о моих Записках; другой материи нет! Я — настоящее второе издание моих Записок, одушевленное.

Вторая часть тянется более трех месяцев; а первая давно уже красуется на столе у меня огромною грудою.

1-е генваря. Сегодня срок платить Кайданову[15] за бумагу, кажется, более трех тысяч с половиною, а у меня, право, нет и четырехсот рублей! Что ж тут делать? Просить подождать мне кажется слишком унизительно и несправедливо. Если б он согласился взять книгами… у меня один только этот способ и есть расплатиться, предложу его. И как я в качестве должника не вправе назначать цены своей книге, то отдам ему на волю назначить самому.

Я уже никак не ожидала, чтоб Шат… дал мне более пяти рублей за экземпляр, и без малейшей тревоги сердца готова была отдать следующее число книг, но к счастию, дело обошлось иначе. Надобно отдать справедливость благородному С…,[16] что он не захотел пользоваться случаем получить большую половину моих книг менее нежели по четыре рубля, потому что я считала себя обязанною уступить бесспорно, за какую бы то ни было малую цену, только чтоб заплатить деньги, которым пришел срок.

С… дал Шат… по семи рублей с полтиною за экземпляр, и я так обрадовалась этой выгодной сделке, что с самым веселым видом смотрела, как брали со стола мои четыреста экземпляров и уносили вниз укладывать в сани господина Шат…

«Надеюсь, вы сделаете мне честь, пожалуете ко мне откушать!» — говорила мне одна очень любезная дама (вскоре после того, как первая часть моих Записок пошла гулять по свету). «Охотно. В котором часу вы обедаете?» «В четыре. Я пришлю за вами карету, где вы живете?» Я сказала.

Любопытные взоры всех гостей, какое-то невольное движение подойти ко мне ближе, поспешная встреча хозяйки, радушно взявшей мои руки и дружески пожавшей их, показали мне, что я желанный гость в этом доме, и вмиг рассеяли мое недоверие к себе и боязнь сделать или сказать что-нибудь невпопад.

Я осталась тут с час еще после обеда и не скучала, отвечая на расспросы дам, иногда довольно замысловатые.

«Позвольте мне быть уверенной, что знакомство наше этим не кончится, вы много обяжете меня, если будете приезжать чаще. Мы все так полюбили вас. У меня редко бывает большое общество. Все это, что вы сегодня видели, мои родные: у меня круг семейный». Это говорила хозяйка дома, провожая меня до дверей гостиной. Я хотела было уехать так, как уезжала пятнадцать лет тому назад, тихонько, не простясь, но постоянное внимание хрзяйки мне этого не позволило. Я уехала в той же карете, в которой приехала.

Хотела бы я знать, есть ли что-нибудь гаже и беспокойнее теперешнего извозчичьего экипажа (разумеется, дрожек); кому-то пришло в голову делать их без особливого места для кучера, и вышла простая длинная лавка, обтянутая сукном. Прежде это было не так. Наемный экипаж этот был покоен, красив и очень благородной формы; кучер сидел на приличном ему месте, а не на коленях у пассажира. Люди вечно перемудрят, выдумывать их страсть, и если не могут выдумать лучше, то начинают портить. Но остановиться на чем-нибудь хорошем — сохрани боже, надобно идти вдаль! Я поневоле обратила внимание на такую гадкую вещь, какою кажутся мне извозчичьи дрожки. Меня застал дождь на дороге, и чтоб скорее спастись от него, я села на первые попавшиеся мне дрожки и от нечего делать всю дорогу замечала их невыгодность и несовершенство. У ворот госпожи С…вой я встала и, хотя в это самое время дождь пустился как из ведра, бодро перебежала двор. Моя приятельница едва не расшибла мне черепа в куски, поспеша распахнуть дверь, чтоб скорее впустить меня: «А… bon jour, mon ami! Mon bon ami.[17] Где это вы были? Я посылала за вами Володю, посылала Финетту (горничная девка) — нет как нет! Нигде не могли найти вас!» «Странно, в самом деле! Не могли найти в Петербурге! Это ведь так легко!» «Ну полно, полно. Садитесь, у меня сегодня гости». «Поздравляю вас, но когда ж их нет?» «Ах, правда! Я так счастлива — у меня всегда люди!»

Я не была у госпожи С…вой с неделю. Этого отдохновения требовало здоровье мое: влажность адского жилища, где бедность и вместе ветреность заставили ее угнездиться, сильно стала действовать на мою физику: легкая боль в руке, которую я чувствовала еще дома, стала усиливаться до нестерпимости, и я постепенно теряла способность владеть ею.

В продолжение этого времени дама, присылавшая за мною карету, прислала опять звать меня на вечер: «У меня будут петь тирольцы, — писала она в записочке, — приезжайте послушать и сравнить их пение с тем, которое вы, верно, слышали в их родине, на их горах». Я приехала. На этот раз общество было гораздо многочисленнее прежнего, снова была я дорогим гостем, снова милая хозяйка сжала мои руки в своих как нельзя более дружески. Снова любопытство и внимание всех были обращены ко мне одной, и опять дамы, делавшие мне замысловатые вопросы, стали делать их и, как видно, в угодность своим приятельницам о таких уже вещах, что я была в большом затруднении как ей отвечать. Долговременная привычка говорить и поступать сообразно своей роли в свете делала для меня вопросы их и смешными и дикими вместе. Я не понимала, как могут они

решиться говорить мне подобные вещи.

Получа множество лестных приглашений и ласковый выговор от хозяйки, что забыла ее и что верно не вспомнила бы, если б она не прислала за мною, я простилась и уехала. Надобно бы на этом кончить. Это было второе посещение, но как же не поверить, когда держат руку, провожают до дверей и говорят: «Позвольте нам надеяться, что вы не будете уже так забывчивы и приедете к нам, как только можете скорее».

— Что с вами, mon ami, что с вами — скажите, ради бога? — говорила госпожа С…ва, схватывая меня с испугом, как только я переступила через порог.

Я испугалась сама:

— А что?

— Да вы целую неделю не были у меня. Я думала, вы лежите при смерти больная!

— Да вы, кажется, успеете хоть кого уложить на смертный одр, если будете так пугать при входе. Я, право, думала, что вы уже видите на лице моем все признаки смерти: с таким ужасом вы бросились ко мне.

— Да как же не грех не прийти целую неделю! Разве так делают друзья?

— Делают иногда.

— Извините, никогда! Ну, да уж бог простит, вы теперь здесь, так все забыто. Расскажите ж мне, где вы были во все время? Кого видели? С кем познакомились?

Я рассказала.

— Вы пресчастливый человек, Александров! Все наперерыв хотят узнать вас, увидеть, познакомиться. Как бы я желала быть на вашем месте! Ну, кто ж были еще на этом вечере?

Я сказала фамилии тех, кого могла вспомнить. С…ва многих из них знала и захвалила насмерть.

Возвратясь домой, я нашла записку. Мальчик подал ее мне с каким-то необыкновенным глупо-торжественным видом.

— Что с тобою, Тишка?

— Приходили покупать ваши книги!

— А! Видно, и тебе наскучила эта розовая скала! Кто ж приходил?

— Не знаю.

— Почему ж ты думаешь, что это для покупки книг?

— Так сказал тот, кто был.

— Для чего ж ты не спросил, кто он таков?

— Так, что-то не пришло в голову.

— Умно!

Я стала читать записку и с первых слов увидела, что это не о

книгах:

— Ты вздор говоришь, Тихон; тут совсем не о книгах пишут.

— Эту записку привезли две дамы в карете четверней. Они велели вам приехать к ним завтра, потому что они больны и никуда не выезжают…

Я услышала хохот у дверей — это была одна из моих родственниц:

— Как вижу, mon fre're,[18] красноречие Цицерона ничто против витиеватого слога вашего Тишки! Я пришла звать вас гулять в Таврический сад, пойдемте, пожалуйста, нас большая компания, и все горят нетерпением вас видеть!

— И мне должно выступить напоказ!.. Увольте, ma soeur…[19] К тому же я не люблю гулять в Таврическом саду.

— Ах, что вы говорите! Это такая прелесть!

— Более чем прелесть: это рай, но я не люблю гулять в нем.

— У вас странный вкус!

— Может быть, но ведь вы знаете пословицу, что о вкусах спорить нельзя. Впрочем, я принимаю смелость думать, что мой вкус хорош: я люблю гулять там, где ни взору, ни воле моей нет преграды.

— Вы хотите невозможного: сады не бывают открытым местом. Их всегда огораживают!

— Ну, да на этот раз дело в том, что я не пойду с вами гулять! Прощайте, ma soeur, не удерживаю вас.

Кузина ушла, а я осталась разбирать записку, привезенную в карете четверней. Белые чернилы, дурное перо, которые не знаю где выискивали и подали приезжавшей даме, были причиной, что я не могла ничего понять из написанного; итак, оставя бесплодный труд разбирать неведомые письмена, предоставила завтрашнему дню решить эту задачу.

На другой день я оставалась дома часов до четырех, но никто не появлялся. Я взглянула печально на неколебимую громаду моих розовых книг и на последний золотой, который у меня оставался, и пошла на Васильевский остров, там было у меня старинное знакомство: вдова с двумя дочерьми и двумя же сыновьями. Первый раз еще пришло мне на мысль зайти к ним — и вот я отправилась.

Переходя Исакиевский мост, я увидела множество экипажей на площади против Академии художеств. На вопрос мой «для чего этот съезд?» — отвечали, что сегодня можно смотреть картины. Я вспомнила, что еще не видала славной картины Брюллова «Последний день Помпеи», и пошла за толпой.

Не моему перу описывать красоты этой картины. Как язык мой не имел выражения для чувств, так и перо не может передать

их на бумаге. Я смотрела, дивилась, восхищалась и — молчала! Что можно сказать там, где все, что б ни сказала, будет мало?

От картины Брюллова нельзя идти в гости. Нельзя идти никуда! Лучше всего переехать Неву обратно и уйти в Летний сад.

Исполненная удивления к великому таланту славного художника, шла я задумчиво в свой обратный путь по широкой аллее Летнего сада. Визгливое восклицание: «Bon jour, mon ami», раздавшееся вплоть подле моего уха, заставило меня вздрогнуть и остановиться: это была госпожа С…ва с своим Володею. «Куда вы идете? Пойдемте с нами в Академию художеств, мы идем туда смотреть картины». «Я сейчас оттуда». «Нужды нет! Воротитесь с нами. Пожалуйста, mon ami! Soyez si bon,[20] сделайте это для меня, для вашей С…вой!»

Нечего делать! Я уступила, и на этот раз почти охотно: мне любопытно было слышать, какими именно выражениями будет она описывать несравненную картину Брюллова, итак, я воротилась и пошла вместе с ними, ожидая каждую минуту, что она воскликнет: «Чудная картина! Видели вы ее?» Но я напрасно ожидала этого; С…ва говорила во всю дорогу о параде и спрашивала меня, видела ль я его. «Не правда ли, как похож государь, наследник, все генералы, даже солдаты. Даже некоторые из зрителей чрезвычайно сходны!» Я смотрела на нее с удивлением: «Да с кем же все они сходны? Что вы такое говорите, чего я не могу понять?» «С кем? Странный вопрос! Разумеется, всякий сам с собою!» Я замолчала.

Наконец мы пришли в Академию. Тут загадка объяснилась, и я увидела, что мы с госпожою С…вою не понимали друг друга: она говорила о параде-картине,[21] а я разумела парад настоящий. Прежде всего она потащила меня к своему кумиру — к этому параду и с восторгом рассказывала мне, кто именно изображен: «Вот государь! Боже мой, как живой! Вот наследник… что за ангел!..» Надобно отдать справедливость искусству художника: величавый вид государя и прекрасная фигура наследника переданы на картине с величайшею точностию; о сходстве прочих лиц я не могла судить, потому что никогда не видала их.

«Теперь пойдемте к чуду нашего века, к картине Брюллова „Последний день Помпеи“, — сказала я моей приятельнице, заметя, что восторг ее перед парадом начал утихать. — Пойдемте». Вот мы перед картиною. Я опять молчу, но С…ва!.. Лучше было бы и ей тоже молчать. Молчание можно перетолковать иногда очень выгодно для безмолвствующего.

Сегодня мне вовсе нечем заняться. Дня четыре уже прошло, как я была на вечере у госпожи Р… С… Поеду к ней, а то она

опять скажет, что я забыла ее.

Собачка моя более обыкновенного ласкалась ко мне и как будто не хотела расстаться со мною этого вечера. Бедное маленькое существо, жизнь твоя безрадостна теперь. В самом деле, я никуда не могу брать ее с собою: она уже не молода, не имеет прежней увертливости и вмиг попадет под колесо. «Подожди, Амур, — говорила я, гладя белую шелковистую шерсть его, — подожди, друг мой верный, кончится когда-нибудь невзгода наша, и мы возвратимся на цветущие луга свои, где ты опять будешь бегать вволю». Оконча утешительную речь своей собачке и поцеловав ее по обыкновению, я поехала провесть вечер у госпожи Р… С…

— Дома барыня?

— Дома.

Человек пошел доложить.

— Пожалуйте. Я вошла.

— Здравствуйте! Садитесь. Сюда не угодно ли, на диван.

Я села, немного удивленная тем, что меня уже не берут за обе руки, не пожимают их, не видно радостной улыбки на хорошеньком личике моей хозяйки. С минуту она искала, что сказать:

— Как ваши дела? Вы, я думаю, в хлопотах?

Я отвечала машинально:

— Да, занятия мои не совсем приятны.

Но думала: кажется, в первые два посещения ни о чем так мало не заботились, как о моих делах и хлопотах: находились материи веселее и занимательнее. Между тем приехало несколько гостей, знакомых уже мне. Они поклонились вежливо, ласково, сказали со мною несколько слов и сели за карты, хозяйка тоже стала играть, и от той минуты я совершенно исчезла из глаз и памяти ее: она совсем забыла обо мне.

К дверям залы я подошла одна. Не слышно слов: «Не забывайте нас так надолго». У подъезда нет кареты, готовой отвезти меня, — я должна была уйти пешком. Что же это значит? Четыре дня только прошли от того вечера, как мною так дорожили! Что могло сделаться в эти четыре дня?

Теперь я уже знаю, что значит и что могло сделаться, но тогда долго ломала голову, чтоб разгадать перемену в обращении госпожи Р… С… и ее знакомых. Наконец, приписав все это мимолетному капризу, решилась, однако же, не подвергаться ему более и оставить знакомство госпожи Р… С… Так кончилось третье посещение дома Р… С…, но для чего ж оно было сделано!

«Сегодня жду вас обедать, — писала мне молодая Т…ская. — Вечером у меня будут гости, и в том числе госпожа Б., дама

известная умом и любезностию обращения. Советую вам познакомиться с нею тем более, что она сама интересуется знакомством вашим».

Т…ская не увеличивала: госпожа Б. самая любезная женщина, какую я когда-либо знала. Пройду в молчании знакомство с нею — оно осталось одним из лучших. Меня приняли без восторга в первый раз, но и не провожали холодно в третий, всегда я была принимаема тут одинаково — ласково и вежливо.

Ко мне приехала родственница госпожи Н. Н. «Я уже приезжала за вами, monsieur Александров. Родственница моя не дала мне покоя: поезжайте, отыщите где хотите Александрова и привезите его ко мне. Скажите, что я горю нетерпением узнать его, что я поехала б к нему сама, но что я больна. Скажите ему это и приезжайте вместе с ним непременно! Теперь позвольте мне надеяться, что я не уеду одна?»

Как отказаться от подобного приглашения! Сверх того, самой чрезвычайно хотелось познакомиться с этой дамой. Я знала хорошо брата ее. Итак я поехала к ней в ту же минуту.

Дама, еще молодая и довольно приятной наружности, встретила меня с самою любезною вежливостью. «Я с таким удовольствием, — стала она говорить, — читала ваши Записки, с таким участием во все входила, мне казалось, что я сама была везде с вами и чувствовала то же, что и вы!» Я отвечала, как должно было отвечать на такое обязательное начало.

В этот день я не могла остаться обедать у госпожи Н. Н., итак, она взяла с меня слово, что я приеду к ней в воскресенье. «Я пришлю за вами карету, — говорила она, — и вы сделаете мне удовольствие, привезете с собою несколько экземпляров ваших книг. У меня просили их».

До воскресенья ничего замечательного не случилось, исключая, что я вынуждена была сама предложить господину Гл…ву[22] купить у меня несколько экземпляров моих книг, потому что мой последний золотой давно уже превратился в мелкую монету, а из нее в ничто. К счастию, Гл…в взял двадцать экземпляров и прислал мне деньги.

В воскресенье я отправилась к госпоже Н. Н., но ее не было дома; однако ж она скоро приехала, извинилась передо мною, говоря, что худо разочла время, полагая, что воротится скорее. «Сядемте за стол. Сегодня мы обедаем одни. На днях приезжайте ко мне, я познакомлю вас со многими из моих друзей, — они все очень интересуются вами. Впрочем, я думаю, что сегодня вечером у меня будут некоторые, останьтесь у меня до вечера». Я приняла предложение, потому что до вечера оставалось уже не более двух часов — так поздно мы обедали.

Послеобеденное время пролетело очень скоро. Разговор госпожи Н. Н. был довольно жив и остроумен, а простое, непринужденное обращение ее мне чрезвычайно нравилось; оно, так сказать, развязывало мне руки и давало свободу говорить и поступать, как я привыкла; сверх того, еще оно очаровывало меня сходством своим с обращением наших полковых дам, любезнейших из всех прочих сословий дамских.

Вечером приехало много гостей. Милая хозяйка познакомила меня со всеми и обращалась со мною в продолжение всего вечера с самым лестным отличием.

«Приезжайте ко мне в четверг, приедете?» — спрашивала госпожа Н. Н., прощаясь со мною у дверей залы. «Приеду». «Смотрите же, непременно приезжайте. Я буду ждать в четыре часа».

Что за лживый человек этот Л…! По крайности час кривлялся он, щурился, хмурился, вертел головою, улыбался, ухмылялся и облизывался, пока, наконец, решился сказать цену, какую дает мне за все мои книги. Признаюсь, было отчего кривляться! При всей его бессовестности это были, однако ж, корчи совести. Он предложил мне по рублю за экземпляр.

Итак, вот блистательный успех! Вот быстрый расход моей книги! Дурна она! Дурна! Хорошие книги не залеживаются.

Настал четверг. Я поехала к госпоже Н. Н. Вхожу — зала пуста: обыкновенно тут сидела молоденькая калмычка за пяльцами, — теперь ее нет; нет и француженки-компаньонки; нет молодой англичанки-надзирательницы. Прохожу в гостиную — нет никого! В кабинет — пусто и там! Возвращаюсь в зал, смотрю на часы — условное время: ровно четыре! Что ж сделалось с обитателями гостеприимного дома этого? Куда все они девались? Я ушла опять в кабинет, села в кресла против нескольких семейных портретов и рассматривала их красивые черты: вот бабушка госпожи Н. Н., блиставшая некогда редкою красотою; вот мать ее, тоже красавица; вот отец ее, который считался одним из первых красавцев в государстве; какие прекрасные лица! Непостижима природа в своих изменениях: как странны переходы ее от красоты к безобразию! И за что, например, вот этим трем особам дано красоты чересчур! Отрасли их: одна просто приятная наружность, но в которой ни одной черты нельзя назвать прекрасною; бесчисленному множеству людей дает лица дурные, ужасные, до отвратительное? безобразные! Чем же те заслужили красоту? Чем эти навлекли на себя несчастие быть страшилищами? С целью делает это общая мать наша природа? По капризу? Случайность то или какая-нибудь отдаленная причина такого различия? Кто разгадает ни для кого не

постижимое, никем не разгаданное?

Размышления мои были прерваны приходом дамы, заведывающей всею внутреннею экономиею в доме госпожи Н. Н.

«Ах, вы здесь? Я и не слыхала, когда вы приехали».

Я спросила ее, где госпожа Н. Н. «Поехала к княгине С., своей кузине. Она отъезжает на той неделе в Москву, так госпожа Н. Н. хотела сделать ей какие-то поручения. Однако ж она воротится домой к обеду: она сказала, что обедает дома».

Я вышла опять в залу. Дама, говорившая со мною, ушла заниматься хозяйственными распоряжениями! На часах было уже пять. Не знаю, кто из нас смешнее: я ли с своею точностию являться именно в те часы, которые мне назначат, или госпожа Н. Н. с своею привычкою худо рассчитывать время? Я хотела было уйти, но вспомнив ласковое обращение госпожи Н. Н., не решилась сделать этого. Это еще не беда, что я должна подождать ее час лишний. Но вот уже и шесть, а хозяйки дома все еще нет! Экономка ее уходила, приходила и опять уходила. Для чего же я не ушла? Как можно! Я опять ушла в кабинет и опять уселась против портретов. Но вот наконец слышен шум на лестнице, в прихожей все зашевелилось, все пришло в движение. Я, однако ж, решилась ждать прихода хозяйки там, где была. Идут через зал, но это походка не дамы; это мужчина, и сверх того не один: двое молодых людей входят в кабинет, с любопытством устремляют на меня глаза и, наконец, кланяются, спрашивая: «Конечно, госпожи Н. Н. нет еще дома?» — «Нет, она еще не приехала».

В это самое время карета с громом подкатилась и остановилась у подъезда. Наконец мы дождались госпожи дома. Вот она приехала, вот взошла на лестницу; входит в зал, видит меня и двух иностранцев, ее знакомых; она слегка кивает мне головою, говорит наскоро: «Здравствуйте!» и оборачивается к иностранцам — этим двум молодым людям, только что пришедшим перед ее приездом: «Pardon, messieurs, я заставила вас ждать, mais j'ai ete si affaire'e ce matin; давно вы здесь? Il me semble, que le temps, n'est pas encore si… Еще не поздно! Six heures et demi![23] Мисс! прикажите давать на стол!» Сказав это, она прошла проворно в свой кабинет, оттуда в спальню и затворила за собою дверь.

Я стояла в изумлении: та ли это женщина, которая не могла успокоиться, пока не отыскала меня, которая так мило, так дружески обращалась со мною дня два тому назад? Подожду; может быть, она в самом деле слишком affairee.[24]

Пока я рассуждала сама с собою, стоя в зале на том же месте, на котором госпожа Н. Н. остановила меня своим быстрым кивком головы и мимолетным «здравствуйте», как заклинанием,

она возвратилась и, ни на минуту не обращая ко мне своего внимания, занялась самым веселым и одушевленным разговором с двумя иностранцами. Сели за стол. Госпожа Н. Н. сказала мне: «Садитесь!» и указала рукою место близ одного из иностранцев, которых усадила обоих подле себя, одного с правой, другого с левой стороны, как гениев злого и доброго; и во весь обед неумолкно говорила с ними о театре, музыке, городских происшествиях, отъезде, приезде своих знакомых, кто у нее был и кто будет еще, где она была и куда еще намеревается ехать. Одним словом, это был гремящий ручей, который не переставал греметь и катиться в продолжение и до конца обеда.

Я уже не могла обманываться и видела, что меня считают наравне с теми, которые званием своим у госпожи Н. Н. осуждены сидеть за столом ее безмолвно. С ними не говорят потому, что они не разумеют ни материи, о которой говорят, ни языка, который принят в свете для всех возможных разговоров. Но по какому ж чуду стала я вдруг на одну доску с ними в мнении госпожи Н. Н.? с чего взяла она, что я не пойму ее жалкого пустословия? Напротив, я столько поняла его, что добровольно не взяла б в нем участия. Отчего же такое поспешное и совершенное разочарование? Не она ль сама говорила, что не имела покоя, пока не отыскала меня? Этому прошла только неделя, если не ошибаюсь! Что ж сделалось в благовонном уме госпожи Н. Н. в такое короткое время?

Тотчас после обеда я могла уйти беспрепятственно, мною никто не занялся. Госпожа Н. Н. прошла в кабинет с обоими иностранцами, беспрестанно говоря с ними и беспрестанно оборачивая голову то направо, то налево, то есть то к тому, то к другому. Я ушла домой. Так кончилось мое третие посещение обязательной госпожи Н. Н.

«Смею ли надеяться, что и вы будете в числе гостей моих, Александр Андреевич?» — говорил мне вежливый Е…р…а, когда карета его остановилась у ворот моей квартиры. Мы вместе были у одной ученой дамы, вместе вышли от нее, и, как на ту пору шел сильный дождь, то он и предложил мне доехать домой с ним в карете.

«В четверг ожидаю вас», — сказал он, кланяясь из окна кареты, которая поворачивала уже в обратный путь.

Четверг, — думала я, всходя на лестницу своей квартиры, — опять четверг! День этот не совсем счастлив для меня, для меня он превращается в понедельник. Но неужели на Е…р…а тоже найдет какая-нибудь дурь? Ведь он мужчина. Не приводилось бы, кажется.

Сегодня с утра идет мелкий дождь, чуть видный, но тем не менее успешный; улицы полны грязи, воздух холоден и сыр. Вечером я поехала к госпоже С…вой, которая-таки поставила на своем, взяла с меня слово проводить у нее всякий день, вечер или утро, что могу. Сколько я ни противилась, сколько ни спорила против такой несносной обязанности, кончила тем, что согласилась, и вот теперь, как будто дежурный по караулам, отправляюсь каждый вечер на главный пикет, «в Моховую».

Подъезжая уже к воротам госпожи С…вой, услышала я необычайный визг маленькой собаки, щенка. Я велела остановиться, встала с дрожек и пошла на голос. Близ забора стояла телега, и под колесом ее лежал щенок легавой породы, измокший, дрожащий, жестоко избитый. Он тщетно старался высвободиться из-под тяжести, его придавившей, трепетался лапками и визжал во весь голос. Я освободила бедное животное, одна лапка у него вспухла, видно, от удара палкою. От ласк моих он перестал визжать, я укрыла его шинелью и с этою добычею приехала к своей приятельнице, и пока я сидела у нее, приемыш мой спал крепким сном. Теперь он живет у меня, и будет, кажется, прекрасная собака.

Когда первая часть моих Записок пошла гулять по свету, то я смертельно боялась насмешливой критики наших журналистов, но сверх ожидания и даже сверх заслуг, главные из них отозвались об ней не только снисходительно, но даже и очень хорошо. Как бы это лестно было моему самолюбию, как бы радовало меня, если б эти тяжелые девятьсот экземпляров не ломили под собою стола моего, не служили видимым опровержением всех похвал и ничем неопровергаемым доказательством, что книга моя дурна.

Сегодня я прочитала, что в Записках моих много галлицизмов.[25] Это легко может быть, потому что я не имею понятия, что такое галлицизм. Обвиняют издателя, почему не исправил их? Не мог! Решительно не мог, не имел на это ни права, ни власти. Издатель при жизни автора ни господин, ни хозяин издаваемого сочинения и должен соображаться с волею настоящего властелина его. Я не только что поставила непременным условием моему родственнику ничего не исправлять в моих Записках, но еще и неусыпно стерегла, чтоб этого не случилось. Итак, все, что в них есть хорошего — мое и дурного — тоже мое. В них нет ни одного слова чужого, то есть не собственно моего. Этот же критик говорит, что описание моих походов очень скучно, монотонно, что никому нет надобности до них и что они не заслуживают быть читаны. Может быть, он и прав, но где ж набраться восторженных сцен на целые десять лет?

Ведь сказал же кто-то, что всякая жаркая сцена, если продолжительна, делается смешна. И, наконец, все-таки он же называет титул моей книги водевильным! В этом последнем я не только что от души согласна с ним, но еще и обязана сказать, что в этом некого винить, кроме самой меня. Хотя титул этот придуман не мною, но я вместо того, чтоб найти его водевильным, напротив, очень восхитилась им и думала: вот теперь-то моя книга, с таким заманчивым названием, вмиг разлетится во все концы России!

Четверг. Дом недавнего знакомца моего, господина Е…р…а, грустно-великолепен; правда, что все в нем дышит вкусом и богатством, но и все так мертво, смотрит таким унылым одиночеством. В этих обширных, чистых, светлых комнатах нет главного — нет жизни! Глубокое молчание в них нарушается только изредка шелестом шагов задумчиво проходящего через них хозяина их. Окна закрыты почти всегда белыми шторами; никакой голос не вскрикнет в них радостно; ничьи шаги не раздадутся в них быстро и проворно; ни одна пылинка не поднимется с полу от чьего-нибудь дыхания. Как можно осудить себя на такую тоску, томительную тоску одинокой жизни, и осудить добровольно!..

Все внимание радушного хозяина было обращено исключительно ко мне. Я нашла много удовольствия в его разговоре, исполненном ума и остроты, и мне очень лестно было заметить, что, несмотря на неусыпное старание занять и угостить всех своих посетителей, а особливо посетительниц, он поминутно обращался ко мне или с вопросом вежливым, или предложением обязательным.

В час за полночь общество разъехалось по домам; учтивый Е…р…а проводил всех до лестницы и, прощаясь со мною, убедительно просил продолжать наше знакомство, которое, говорил он, ставит себе за великую честь.

Во второе посещение я была принята радостно и учтиво; разговор наш был оживлен, скучных интервалов молчания не было, со мною говорили как с человеком, в котором предполагают много ума. Очарованная пленительным обращением моего нового знакомца, я простилась с ним и отправилась к госпоже С…вой похвалиться приобретением такого завидного знакомства.

— Что уж и говорить, mon ami, — сказала она со вздохом, выслушав описание богатого дома, блистательного вечера и внимательного обращения господина Е…р…а, — что и говорить! Счастливее вас мудрено быть. Только вы сами не знаете цены себе, не знаете прав своих и поступаете не так, как могли бы

поступать, как бы должно было и как было бы выгоднее для вас несравненно.

— Это что значит? Вы пустились в рассуждения, мой добрый друг! Что с вами? Отчего вы не в своем обыкновенном расположении духа?

— Мне скучно! Кажется, я должна буду расстаться с Петербургом: сына моего не принимают здесь, — нет ваканций, впрочем, буду просить, может быть, еще переменят. Но что до вас, то я всегда то думала, что теперь сказала: на вашем месте я одевалась бы иначе, я не надевала бы ни сюртука, ни фрака.

Я расхохоталась.

— Ну, это в самом деле нешуточное обстоятельство, и стоит того важного вида, с каким вы объявили мне его! Что ж бы носили вы, если б были мною или на моем месте, как говорите вы, в чем ходили б вы?

— В венгерке! Этот воинственный наряд очень шел бы к вам и давал бы какой-то необыкновенный вид!.. А теперь, что в вашем сюртуке, между столькими дюжинами сюртуков, всякий примет вас за мужчину!

— Тем лучше, я этого только и хочу!

— За молодого человека!..

— А это уже всего лучше.

— Служащего в какой-нибудь канцелярии!

— Вот на это я уже не согласен! На это последнее я нисколько не похож. Вспомните, что у меня Георгий. Нет, нет, от последнего сравнения прошу уволить!

— Послушайте, mon ami, я сегодня в дурном нраве и очень расположена говорить ту правду, которая колет глаза. Хотите вы ее выслушать от меня?

— Сделайте милость! Хоть для редкости. Это будет отдохновением от тех похвал, которые роем излетают из уст ваших и роем носятся вокруг каждого из ваших знакомых.

— Ну хорошо! Слушайте же, надеюсь, не будете более укорять, что похвалою, как мечом, рассекаю каждого на части. Слушайте, да прежде положите шляпу, вы вечно наготове бежать.

Я положила шляпу и старалась принять важный вид, что было почти невозможно, потому что приступ к объяснению моей доброй и что-то не на шутку расходившейся приятельницы казался мне удивительно как похож на увещание, которое Сганарель делает Дон Жуану[26] и на которое тот отвечает: O, le beau raisonnement!..[27] Я боялась, чтоб и мне не пришлось того же подумать, если уже не сказать. Однако ж я села на стул и приготовилась терпеливо слушать.

— Ничто не обличает в вас, — начала говорить госпожа С…

ва, — той энергии, которая таится в душе. В виде вашем нет ничего похожего…

Стукнула дверь, и у меня отлегло от сердца. Как я рада была, что пришедшие гости помешали продолжению этого смешно-торжественного рассказа или, лучше сказать, разбора моих недостатков. Я встала со стула, на котором сидела как wcezorowanego.[28]

— Прощайте, mon ami! Надеюсь, глаза мои до завтра никуда не денутся, и завтра они будут готовы на жертву вашим обличениям; я прийду вечером.

С…ва ухватила меня за руки:

— Нет, нет! Ради бога, не уходите! Теперь все уже прошло. Ведь я сказала вам, что была в дурном нраве, и в этом состоянии мы обыкновенно смотрим на вещи неблагоприятно и видим их не такими, как они в самом деле, но такими, как показываются нам сквозь тот мрак, который на ту пору затемняет свет ума нашего.

— Все так, всему верю! Но, ради бога, дайте мне свободу идти отсюда, прощайте.

— Прощайте, упрямый человек! Сегодня послала я своего мальчика к Гл…ву спросить, не надобно ли ему еще сколько-нибудь экземпляров книги «Кавалерист-девица»? Вот как не завидна их участь! А обязательный Г-ч говорил, что к новому году не останется ни одного. Сколько еще новых годов пройдет прежде, нежели эта красная груда исчезнет наконец с моего стола! Правда, книг моих разошлось много, большая половина, но все это не в том виде, в каком бы должно было. Все это пошло то в уплату, то в награду, то за долг, то за труд, то за ласку, то за грубость, то сам уже бог знает один за что!

— Я знаю приятную новость для вас, топ ami, — говорила мне госпожа С…ва, — очень, очень приятную! сказать? Что дадите?

— Скажите даром, у меня ничего нет. Благодаря моей глупости, я теперь, кроме искреннего желания добра моему ближнему, ничего дать не могу. А это такая монета, которая не имеет никакого веса; итак, говорите даром.

— Хорошо. Вчера приезжала ко мне госпожа Т-ская, думала найти вас у меня и велела мне сказать вам, чтоб вы приехали к ней завтра непременно; что одна знатная дама ей как-то сродни или давно знакома, не знаю хорошенько, желает узнать вас и быть вам полезною; что дама эта очень богата, очень добра, очень умна, очень благодетельна, имеет необыкновенный образ мыслей, редкие качества и ко всему этому… Ну, да где все то пересказать, что говорила об ней Т-ская. Поезжайте сами к ней, как она просила, завтра непременно. Что ж вы так пасмурно слушаете мое донесение? Я думала вас обрадовать.

— Ничего, мой добрый друг, прощайте! Сегодня мне некогда сидеть у вас, я пойду к Е…р…а.

— Опять к Е…р…а? Да давно ль вы у него были?

— Недели две назад, но он просил меня бывать у него часто и запросто.

— Ну так прощайте, поезжайте же завтра к Т-ской.

Я шла задумчиво к дому господина Е…а: сколько уже знатных дам предлагали мне свое знакомство! Свое не прочное, не обязательное и на одном любопытстве основанное знакомство!.. Что мне в нем?

Подошед к подъезду дома господина Е…р…а, я позвонила. Отперли. «Дома господин Е…р…а?» «Дома». Человек побежал доложить, а я между тем вошла в залу. Чрез минуту пришел Е…р…а со шляпою в руке. Он сделал вид изумления, как будто приход мой был для него нечаянностию. Видно, человек не успел доложить, — думала я. Однако ж шляпа в руке была такой талисман, который не позволял мне оставаться у господина Е…р…а долее одной минуты. Я простилась, сказав, что зашла к нему на секунду узнать только, куда переехали общие наши знакомые, семейство Р-х. Он сказал мне теперешнее их местопребывание, и мы вышли из дому вместе. Мне и на мысль не приходило, что шляпа в руке была один только отвод, которым посещение мое, как громовой удар, отведено было в сторону! Однако ж это так было, я после узнала, что как только я повернула за угол дома, Е…р…а воротился. Это было третье посещение.

— Я не знатная дама, Александр Андреевич, не могу прислать за вами кареты, знакомство со мною не польстит вашему самолюбию, но если вы будете так снисходительны, что приедете ко мне, то я надеюсь, что не будете раскаиваться, сделав эту честь. Поверьте, поверьте, что я буду уметь оценить ее…

Так говорила мне молодая и прекрасная госпожа Гиз…, пожимая руки мои и смотря в глаза мне своими до очарования прелестными темно-голубыми глазами, со всем выражением искреннего дружества.

— Пожалуйте ко мне завтра.

— Извините, завтра не могу, но я приеду к вам, как только буду иметь возможность это сделать. Когда можно застать вас дома наверное?

— Всегда; я не веду рассеянной жизни.

— Итак, я постараюсь быть у вас, как могу скорее.

Через неделю случилось мне быть в той части города, где живет госпожа Гиз… Хотя еще было довольно рано для жителей, особливо для жительниц Петербурга, не более десяти часов утра, однако ж я решилась зайти к ней… Как описать восторг, с каким

бросилась мне навстречу милая хозяйка? Она только что встала.

— Что вы лучше любите кушать поутру? Чай, кофе или шоколад? — и не дождавшись моего ответа: — Подай всего, Прасковья! — кричала она в дверь девичьей комнаты. — Всего! Слышишь ли? И самых густых сливок, и самых лучших сухарей! Побольше, да чтобы завтрак был готов!

Я невольно рассмеялась.

— Вы, кажется, собираетесь кормить меня, как Милона Кротонского.[29] Я, однако ж, не имею такого знаменитого аппетита и выпью у вас одну только чашку шоколаду, если позволите!

— Ах, боже мой!.. Если позволите? Что за выражение! Я без памяти рада, что вы наконец у меня, и все, чтоб ни предложила вам, кажется мне так мало, так ничтожно! А вы говорите: если позволите!

— Да зачем же вы так буквально принимаете это слово? Так говорится.

— Не говорите же со мною, как говорится. Через час я ушла, дав слово приехать на вечер.

Приятно быть таким гостем, каким была я на этом вечере. В среднем кругу смелее нежели в высоком; спрашивали меня то о том, то о другом, как будто выходца с того света; утешаясь новостью этих расспросов, я однако ж, как прилично доброму товарищу, хранила тайны моих давних друзей.

Не постигая еще роковой тайны третьего посещения, я поехала что-то очень скоро после этого веселого вечера к голубоокой госпоже Гиз… Она была одна, но вскоре пришел муж ее и еще одна из искренних приятельниц. Восторг хозяйки приметно утих; она встретила меня обыкновенными приветствиями и церемонным предложением садиться. Все это было в странной противоположности с прежним приемом, а особливо с моею теперешнею дружественною фамильярностью, с которою я, так сказать, влетела в чистую светлую гостиную госпожи Гиз…

Видя себя в необходимости смотреть на вещи несколько холоднее, я приняла предложение хозяйки сесть и стала замечать оттенки постепенного изменения в поступках и разговоре обязательной госпожи Гиз… Она решительно не находила, что говорить со мной. Я тоже, потому что эта милая дама вовсе не образована; всякая материя, если она не о хозяйстве или городских новостях, будет для нее курс алгебры. Однако ж она имела столько природного ума, чтоб понять, как некстати будет ее молчание. И вот, начиная томиться, пискливо-жалким голосом говорит мужу, поминутно то подымая глаза кверху, то есть на

супруга, то опуская их вниз.

— Что, друг мой, вы сегодня где кушаете?.. У вашего начальника или у графа С…?

— Нет, милая, ни у того, ни у другого, — отвечал удивленный муж. — Я обедаю дома, но с чего ты взяла, что я буду у них? К этим людям надобно быть приглашену, чтоб обедать у них.

— Мне показалось, что ты вчера сказывал, будто твой начальник приглашал тебя.

— Напрасно показалось, никто не приглашал.

Муж и жена замолчали. Наконец хозяйка опять начала и все тем же тоненьким писком:

— Давно были, Марфа Ивановна, у Палагеи Петровны?

— Вчера, — отвечала гостья, умная и насмешливая девица лет двадцати, — вчера была у нее. Вы не поверите, милая, как она сделалась нестерпима! Все пищит, нежится, слова не скажет человеческим голосом. Во все время, пока я сидела у нее, мне казалось, что я слышу мяуканье кошки умирающей… смешная женщина!

При этих последних словах злая девка взглянула на меня значительно и тотчас обратила взор на хозяйку с такою явною иронией, что я право испугалась за нее и потому, оставя их разыгрывать свою драму втроем, простилась и уехала с тем, чтоб уже более никогда не приезжать.

«Для чего вы не познакомитесь с генералом П., Александр Андреевич? — спрашивала меня любезная госпожа Б. — Ему это будет приятно, я знаю наверное; право послушайтесь, жалеть не будете. Господин П. один из тех людей, каких, по справедливости, надобно искать с фонарем».

И кроме госпожи Б., я слышала от многих других о редких качествах генерала П. Уверенность, что ему приятно будет узнать меня, заставила меня последовать совету госпожи Б. и ехать к нему.

Никем еще не была я так очарована, как им; я нашла в нем то, чего еще никогда и ни в ком не находила: ум, светлый без малейшего пятна, с самою пленительною добротою сердца, разговор его увлекателен, и я полагаю от той натуральности, той прекрасной простоты, которая так завидна, так неподражаема и которая справедливо может назваться лучшим даром природы; это преимущество слова как нельзя лучше гармонирует с его благородною наружностью и глазами, полными огня, ума и чувства!

Через неделю приехала я опять к генералу П., вечером уже. У него было много гостей, он встретил меня очень вежливо и

благодарил за честь, которую я делаю его вечеру своим приездом. С начала и до конца внимание любезного хозяина было постоянно, он сказывал мне имена своих гостей, которые были значительнее прочих, со многими познакомил меня, и я не видала, как наступил двенадцатый час, — пора, до которой я, не играя и не танцуя, не знала б как досидеть, если б обязательное обращение хозяина не сделало для меня этого времени одною минутою.

Я уже никак не думала, что и в господине П. найду перемену при третьем посещении! Скорее поверила бы разрушению мира, нежели возможности такого случая; одна мысль об этой возможности опечалила б меня. Итак, с полною уверенностию в одинаком расположении ко мне господина П., в его неизменной ласковости, внимании, вежливости, простоте, любезности, поехала я опять к нему на вечер. Видно, на этот раз я приехала довольно поздно, потому что почти все уже гости сидели за картами. Хозяина я отыскала в другой комнате, разговаривающего с теми из гостей, которые еще не играли; на поклон мой он отвечал поклоном… и только! Нет разговора, нет внимания, нет обязательной услужливости! Он весь предан этим старикам, с которыми сидит теперь. Подожду, может быть, он подойдет ко мне, как усадит их за карты; но, впрочем, для чего б ему не познакомить меня с этими господами? Я могла б взять участие в их разговоре, верно, они говорят не о такой высокой материи, что я не могла бы уже и выразуметь их.

Наконец старые дипломаты уселись за вист. Хозяин свободен! Он идет мимо дивана, на котором я сижу одна, проходит его, не оборотя ко мне головы, не взглянув на меня! Я оставалась еще с полчаса в этом собрании, и, к величайшему изумлению моему, во все это время взор хозяина ни на секунду не обратился ко мне: все равно, если б я и не была тут. Я уехала, но не с тем ощущением в душе, с каким уезжала от ветреной госпожи Н. Н., предпочитавшей мне своих иностранцев, не с тем, с каким рассталась с тонким политиком Е…р…а, поставившим шляпу свою щитом против меня; одним словом, прежние несообразности в приеме и обращении удивляли меня, иногда смешили, но нисколько уж не опечаливали; я оставляла знакомства этих людей, никогда не возвращаясь к ним мыслию… Теперь я была опечалена в настоящем смысле этого слова! Я решилась не ездить более к господину П., но никогда не могла забыть его первого и второго радушного приема и никогда не могла утешиться о потере, как заметно, его доброго мнения в третий! Ах, люди, люди, как несчастна природа ваша! Всегда злое начало найдет сокровенный путь испортить доброе… Третье посещение

господина П. покрыло облаком грусти остальное время и действия мои в столице; я уже очень равнодушно слушала о желании познакомиться со мною, не замечала, не радовалась, как бы ни был лестен прием сначала, и нисколько не дорожила, если надобно было раззнакомиться.

Ученый господин Р. в отношении ко мне прошел ту же дорогу, как и другие. Также два раза была я любимым, замечательным гостем, а в третий могла б заснуть от скуки, если б тотчас не ушла.

Много было и еще лестных предложений, восторженных уверений, блистательных приемов, но все не иначе как для двух первых посещений; для третьего насмешливый случай или враждебная судьба подготавливала мне или спазматическую зевоту хозяйки, или иностранца, которого надобно было носить на руках, или старую важную даму, или, наконец, провинциальную родственницу, которая, чтоб показать, что и она смыслит кое-что в обычаях столицы, принимает на себя глупо-важный вид, молчит, как будто потерявшая на тот раз употребление языка, и следит меня глазами с явным выражением недоброжелательства и насмешки… жалкие существа!

«Зайдите ко мне, Александр Андреевич, — сказал мне барон К., встретясь со мною близ Казанского собора. — Семья моя вся в городе, я вот только на минуту зайду в магазин Смирдина[30] и сейчас буду дома. Пожалуйста, зайдите, к нам приехали гости». Это было в третий раз.

Ободренная воспоминанием ласки, дружбы, вежливости, оказанных мне приятным семейством барона К. в первые два посещения, я вошла к ним очень свободно и весело, что было бы чрезвычайно хорошо, если б это не было посещение третье; но при этом роковом числе уверенность моя в себе сделалась очень неуместна и смешна; на мою свободную поступь и поклон баронесса отвечала едва заметным наклонением головы и холодным «здравствуйте!». Не получая ни от кого приглашения сесть, я сделала б это и без просьбы, потому что нельзя же мне было уйти в ту же секунду, а стоять как часовому тоже не приводилось как-то; но напрасно взор мой пробегал комнату, чтоб найти свободный стул; все были заняты дамами, на одном только сидел мужчина, молодой и военный; я уверена, что в первое и второе посещение он вежливо предложил бы свое место, но как это было заколдованное третье, то он и не пошевелился: я была в затруднительном положении; наконец старшая дочь баронессы встала с своего места, прося меня занять его, и перешла к группе девиц, сидевших у окна. Я села близ хозяйки; против меня сидела какая-то дама, которой я прежде не видала у

них; на лице ее четко выражалось, что она из провинции. Она смотрела на меня, как говорит простой народ, «дзызом»! Дерзкая насмешка дышала во всех незначительных чертах ее, впрочем, довольно недурного лица.

Я была уже оскорблена унизительным приемом и холодностию баронессы, полагая справедливо, что если б хозяйка приняла вежливее, то и гости ее были б рассудительнее: недальний молодой человек отдал бы мне свой стул, ее смешная провинциальная родня не искажала б черты свои, стараясь принять какой-то вид, которому и сама не знает, какое дать название или определение. Сердце мое полно было досады, и я решилась проучить хоть эту, залетевшую издалека. Если у нее есть, думала я, хоть искра общего смысла, так она поймет меня.

С этой благонамеренною целью, не обращая уже никакого внимания на непритворную грубость милой хозяйки, начала я рассказывать, какой случай дал мне понятие о том, до какой степени женщины худо знают свои выгоды, принимая насмешливый вид, который портит лицо хорошее и делает отвратительным посредственное.

«В первый год моей отставки, — начала я говорить, оборотясь к баронессе, — жил я здесь, в Петербурге, и был очень хорошо принят в доме князя Д. и приезжал к нему почти всякий день; как обращение князя было всегда одинаково с его знакомыми, то его все любили и круг его был очень обширен; между короткими знакомыми была одна дама, княгиня Х., молодая женщина, наружности, как мне казалось, обыкновенной, холодной и которой главным выражением была самая противная насмешливость. Я не терпел эту женщину, и именно потому, что всякий раз, как глаза ее встречались с моими, я читал в них злобу и насмешку. С полгода был я вседневным гостем князя Д. и во все полгода думал, что княгиня Х. дурна лицом, такую сатанинскую мину давало ей насмешливое расположение ума ее. Но в один день у князя было что-то много гостей; случилось так, что нас большая толпа сошлась у камина; в эту минуту входит княгиня Х.; она подходит к нашей группе, смотрит на меня, кланяется, и, к изумлению моему, я вижу, что она как ангел хороша! Физиономия ее сделалась пленительна, кротка, добродушна, ласкова и со всеми этими чарами кланяется мне! Что это значит? Она никогда мне не кланялась прежде… После это объяснилось: она не узнала меня, я показался ей кем-то из ее знакомых, но от той поры я уже знал, что княгиня Х. хороша собой и что одна только насмешливая мина, с которою она смотрит на меня, на одного только меня, делает ее похожею на молодую мегеру».

Оконча свой рассказ, я устремила глаза на провинциалку с

тою силою воли, о которой так много толкуют в магнетизме, и имела удовольствие видеть, что она не выдержала моего взгляда и что насмешливая мина сбежала долой с лица ее. Довольная успехом своего мщения, я простилась с баронессою с тем, чтоб не только не быть у нее никогда более, но и не смотреть на дом ее, если б случилось проходить мимо.

«С вами очень желает познакомиться Т., — сказала мне княгиня Ю. — Поезжайте к ней, это очень милая дама». — «Я, кажется, знаю ее, княгиня, она ведь дочь К.?» — «Да!» — «Я часто видал ее в доме ее матери». — «Ну, так чего ж лучше? Возобновите старое знакомство, поезжайте к ней завтра же. Она живет…» Княгиня сказала мне, где найти госпожу Т., и была уверена, что я непременно поеду к ней, но я имею причину думать, что это старое знакомство будет ничем не лучше новых: пятнадцать лет тому назад я была довольно часто у старой К., ее матери, которая в один день заставила меня идти от нее пешком, в проливной дождь; тогда как у нее всех родов экипажей были полные каретники! Хоть бы уже имела совесть притвориться, что не видит дождя, а то еще спросила: «Как же вы пойдете в такой дождь?»

Против холода, каким навевало от меня в третье посещение на сердце, ум и способности моих знакомых, устояли только трое: госпожа Б-ва, любезная и умная женщина, всегда и со всяким одинаково вежливая, расположенная делать добро сколько от нее зависит; хоть она и позволяла себе иногда посмеяться в своем кругу над чьею-нибудь странностию, и смеялась всегда очень остро, умно и — не обидно, но эту веселость я никогда не причитаю в порок даме умной: почему не позволить себе острого слова или описания, веселящего друзей наших и не оскорбляющего никого?

Приветливый К. Д-в был второй, который остался одинаков со мною во все посещения, и, наконец, превосходнейшая женщина по уму и сердцу, княгиня Ю. С этою редкою дамою не было третьего посещения, напротив, все они были первые! Ни на минуту не изменилась ее доброта и вежливость; она не имела нужды искать, что говорить со мною; разговор ее всегда был обязателен, жив, исполнен ума и остроты.

Я ограничила свой круг знакомства этими тремя домами, бывала довольно часто в двух первых и очень часто в последнем.

Между тем случалось иногда не остеречься и, забывшись, попасть опять на третье посещение.

«А, здравствуйте! Не хотите ли с нами завтракать? Эмма, подвинься… Садитесь вот тут, вот между нами!»

Мне подают прибор, добродушно потчуют всем, что есть на

столе, я ем… «Начало хорошо!» — могла б я сказать, как Гиппельдонц в эпиграмме,[31] и стала уже думать, какие редкие, превосходные люди Н. И.! Как мила и обязательна простота их обращения и как она прилична их знатному роду!

В самом деле, я всегда думала, что это неподражаемая «belle simplicite»[32] — неотъемлемая принадлежность истинно образованных людей — должна исключительно отличать знатных людей от тех жалких parvenus,[33] которые не знают уже как манериться, чтоб дать себя заметить.

Пока я думала, говорила и ела, завтрак приходил к концу. Но вот и еще посетитель: наружность его показывала что-то похожее на род домашнего друга, исполняющего разные поручения.

«А, здравствуйте! Не хотите ли завтракать с нами? Садитесь вот тут! Эмма, отодвинься…» «Не угодно ли занять мое место», — сказала мисс Эмма, вставая. Пришедший сел молча и принялся кушать. Фамильярность, с которою приняли новопришедшего, заставила меня посмотреть на него внимательно.

Ничто в нем не оправдывало дружественной короткости с ним людей знатных и богатых, приемы его показывали доброго, простого человека, чиновника какого-нибудь судного места; он молчаливо ел все ему предложенное и вполголоса отвечал на вопросы, которые делались ему изредка то гувернанткою, то ребенком лет шести; говоря с последним, он не смел и подумать сказать иначе как: «вы!.. вам!.. где изволили быть?»

Сообразя все это, я сделала заключение, что это существо ума ограниченного, не образованное, простое, в высоком кругу появляющееся как вьючное животное, чтоб взять на себя кипу разного рода поручений или сложить принесенную и опять отправиться в свой приют. Итак, восклицание «а, здравствуйте! здравствуйте!», которым встретили меня и его, и ласковый, веселый вид не были знаками дружеского расположения, ни даже знаками уважения; это была та короткость, которою вовсе нечего гордиться.

Пока я, думая это, старалась поскорее съесть порцию, положенную мне мисс Эммою, чтоб встать из-за стола в одно время с другими, зала опустела в две секунды: все ушло и все куда-то нырнуло, не обратя ни малейшего внимания на то, что я, некогда столь желанный гость, пришедший теперь на беду свою в третий раз, остаюсь в лестной компании лакеев, собирающих со стола! Испугавшись такого нежданного превращения из уважаемого гостя в мелкую тварь, которую можно оставить без церемонии, entoure de canailles,[34] я бросила все и убежала.

— Что ж, Александр Андреевич, когда я дождусь вашего посещения? Вы обещали быть у меня, тому уже месяц.

— Я и был у вас.

— Да, но я тогда не была дома.

— Однако ж я приезжал именно в то время дня, которое вы назначили.

— Так, но что ж делать, за мной заехали.

— Вы могли сказать заехавшим, что ожидаете меня.

— Я надеялась, что вы извините меня и пожалуете в другое время.

— А если в это другое время опять кто-нибудь заедет за вами?

— Неужели это всегда будет случаться! Вот вчера я целый день была дома, у меня болела голова; что вы не приехали?

Я вышла из терпения и отошла от несносной женщины; и все эти глупости, все эти приглашения, исполненные невежливости, все это последствие проклятых третьих посещений!

После всякого третьего посещения я бываю очень похожа на того устаревшего льва, которого приходит бить осел.[35] Все те, которые в пылу первого и приятной теплоте второго визита оставались не замеченными мною, в третий раз убивали меня своими разговорами, нелепыми вопросами, неприятным и смешным вниманием, и все это с самым лучшим намерением занять меня, потому что обязательные хозяева, расточавшие мне ласки свои в первые два посещения, в третье совсем и не видали уже меня.

«Куда же вы уходите? Ужинайте здесь!» — «Вы все едете на бал, с кем же я останусь?» — «Дома остается губернатор, гувернантка и Леночка».[36] Это сказали мне в том доме, в котором в первое посещение подводили каждого гостя и гостью, позначительнее других, знакомиться со мною.

Я, право, боюсь помешаться в уме от этих третьих посещений! Какая причина такому изменению? Почему все, что я говорю в первое посещение, подает им выгодное мнение об уме моем? Почему так много разговаривают, так много ласкают, так много знакомят со мною во второе посещение? Почему все исчезает невозвратно в третье?

«Ах, боже мой, ни двух минут не могу я!» — «Мне надобна одна». Так встретил меня генерал Н. Н., и так отвечала я, не показав вида того, что почувствовала при этом предуведомлении, так неуместном и так мало сообразном с его обыкновенною вежливостью. Я в самом деле пробыла у него одну минуту и ушла.

Нрав мой начинает портиться от всего, что я испытываю здесь; мне пришлось узнать очень не вовремя, что для корыстолюбия и эгоизма людей нет ничего святого; я продала книги свои за самую умеренную цену, но и той была рада, как

золотому руднику, и тою была обязана бескорыстию С-на,[37] потому что я отдала б и еще дешевле: я боялась, чтоб мне не пришлось топить камин моими Записками.

Разочарованная совершенно, я платила всем тою же самою холодностию и невниманием, какое испытала сама.

Наконец, и клевета сделала мне честь, устремила свое жало против меня — в добрый час! Это в порядке вещей. Добрая приятельница моя, госпожа С-ва рассказывала мне, что в каком-то большом собрании говорили о моих Записках и Пушкин защищал меня.

— Защищал! Стало быть, против меня были обвинения?

— О, да еще какие!

— Не знаете ли кто именно, мужчина или женщина?

— Не знаю, mon ami, да что ж вы стали так невеселы? Неужели имеете малодушие считать за что-нибудь важное вранье ничтожных завистников? Mon ami, платите им тою же монетою, какою платит им и публика, поверьте, что хотя свет и слушает клеветника, подчас и верит ему, но презирает его как существо низкое и вместе бессильное!

— Не совсем бессильное! Я теперь угадываю и начинаю чувствовать по всему, что есть какая-то гадина, которая пресмыкается по следам моим и подсекает основу моего счастия.

— Ха, ха, ха, как трагически! Много чести, mon ami, для всякого глупца, чтоб он мог иметь силу подсечь основу вашего счастия! Имейте сколько-нибудь доверия к здравому смыслу общества и также к могуществу истины; оставьте без внимания вздор, который, как болотное испарение, или разнесется ветром, или опять уляжется в ту грязь, из которой поднялся.

— Вы хорошо говорите, мой добрый друг, и очень справедливо; я это чувствую, но все лучше было бы, если б вы не сказывали мне о разговоре в обществе княгини Б-й.

— Вы странный человек, Александров! Почему хотите вы быть исключены из общей участи людей? А особливо тех, которые чем-нибудь привлекают к себе внимание публики? Она действует в отношении к вам так же, как действовала века тому назад в отношении ко всему, удостоившемуся ее цензуры: добрые хвалят, злые порицают, благородные дивятся, восхищаются, подлые чернят, клевещут, умные разбирают, оценивают, глупые кричат во весь голос: «все дурно!» — так возможно ли давать какую-нибудь цену тому, что не стоит ничего? Я уже вам сказала: клеветника слушают, верят ему до времени, но в душе презирают его. Дайте время пройти этой черной полосе; небо прояснится, и клеветники останутся тем, что они были, есть и будут: презренными лжецами, хотя б они имели всю хитрость хромоногого Лесажева беса.[38]

— А вы читали его?

— Читала и от души хохотала над некоторыми пассажами.

— Прощайте, мой друг.

— Куда ж вы, куда? Вы настоящий дикарь стали! Ну, куда вы бежите?

— Домой.

— Что делать?

— Писать.

— Браво! И вы имеете столько смелости! А ценсура! А клевета! А критика! А насмешка! Как у вас достанет духа стать против всего этого?..

— Это ведь не Записки. Это история несчастной Елены,[39] о которой я как-то вам рассказывал.

— А, помню, помню! Я же ведь и посоветовала вам описать ее.

— Да, итак, я надеюсь, что брошюрка эта не будет замечена злыми умами, а впрочем, если б и была, если б и сказали, что это вымысел, так еще тут нет большой беды.

— Да нет ее и ни в чем, mon ami, поверьте же мне ради бога! Как, вы хотите, чтоб все люди одинаково мыслили, одинаково смотрели на вещи! Возможно ли это? Право, я уже устала доказывать вам, что болтовня на ваш счет не стоит минутной досады, не только этого пасмурного вида, с каким вы более получаса гладите перчаткою свою шляпу и смотрите на нее, не сводя глаз!.. A propos,[40] мои советы бывали иногда и хороши и полезны; хотите ли сделать, как я скажу?

— Увижу, скажите.

— Вот что: или бросьте под стол все вранье, которое позволяют себе какие-нибудь в чернилах воздоенные, или поступайте ’a la отчаянный улан!.. то есть…

Госпожа С-ва сделала движение рукою, которое заставило меня рассмеяться.

Поправит ли этот поступок зло, мне сделанное?.. Это было бы только наказание клеветы, но не уничтожение ее.

— Ну вот видите, так не вышло ль на мое, что надобно дать волю врать что угодно, и верить кому и чему угодно? Платите презрением, mon ami, платите презрением!.. платите совершенным невниманием!.. Ах, для чего я не на вашем месте, для чего я не вы! Никогда низкая клевета не достала б меня на той высоте, на которой я держалась бы собственным мнением о подвиге, хвалимом некогда людьми, против которых порицатели ваши меньше собаки, как говорят персияне.

Оконча утешительную проповедь свою, госпожа С-ва вырвала у меня из рук шляпу, сказав, что решительно не пустит меня

домой: «Я ожидаю этого вечера одного старого ветерана, отставного гусара, вы должны его видеть и с ним познакомиться».

По нескольку раз в день вынимаю я перстень, пожалованный мне государынею, и рассматриваю его: как он хорош, какой блеск от этих бриллиантов! Как бы я желала подарить его сестре! Нельзя, однако ж, надобно продать: денег у меня мало, а кто знает, что мне дадут за мою Елену? И дадут ли еще?

Со всех сторон пишут, прося прислать им денег: забавное требование! денег… от меня… а я вот сию минуту иду в Кабинет просить, чтоб купили у меня мой перстень.

День был солнечный, и я всю дорогу любовалась блеском драгоценной вещи, на которую смотрела в последний раз.

Перстень мой куплен, деньги я получила и отослала, написав ко всем письма одного содержания: вы почитаете меня Крезом, а я боюсь сделаться Иром.[41]

Княгиня Т. В. досаждает мне своим суждением так сильно, что я ухожу от нее с каким-то неопределенным желанием не так часто появляться на глаза ее, впрочем, это движение сердца минутное! Княгиня эту решимость своих сентенций выкупает превосходным сердцем, еще более превосходным умом и обращением, как нельзя более обязательным. Прежде нежели я дойду домой, чувства мои опять становятся такими, как были: опять я люблю княгиню всею душою.

Сегодня я была, однако ж, опечалена словами ее; правду говорят, что не надобно никогда распространяться о своих невзгодах, я забыла это благоразумное правило и что слишком разговорилась о всех неудачах и ошибочных мнениях своих, о неуместном доверии, о большой потере, одним словом, я, кажется, вывела из терпения добрую княгиню, и она отвечала на все мои элегии, что она, как ей кажется, нашлась бы в каждом обстоятельстве жизни! Умела бы сообразиться с участью, какую назначило б ей провидение, и никогда не позволила б року угнетать себя, потому что никакое бедствие не считала бы бедствием невыносимым. «Я противоставила бы всему злому оплотом твердость души!» — говорит она мне, и я думаю иногда, что она права, что я слишком уже близко к сердцу принимаю всякий вздор, а иногда кажется мне, что ее сиятельство более моего досадовала бы, если б так во многом обманулась и увидела б невозвратно испорченным лучшее дело свое; если б ее так преследовали глупыми выдумками и, наконец, если б она испытала, как я, сладость третьего посещения!.. Вряд ли философия ее устояла б против всего этого.

Иногда она противоречит сама себе, и это, я думаю, бывает

тогда, когда она увлекается сожалением, что дело, обещавшее так много, кончилось ничем. Вчера она говорила мне:

— Как же вы так худо распорядились вашими Записками, что они принесли вам выгоду смешную! Иначе нельзя назвать всего того, что вы за них получили, а вон посмотрите, что доставил роман *** господину З.:[42] он купил себе деревню под Москвой. Почему же вы так не сделали? Книга ваша интересовала всех, для чего вы так худо действовали?

— Потому, княгиня, — отвечала я, — что у меня не было главного: опытности, известности в свете господина З.; у меня не было той толпы друзей и доброжелателей, которых приобрел себе господин З. задолго еще до сочинения своего прекрасного романа; вообще нет никакого сравнения между мною и З.; это литератор, которого заманчивое перо давно известно публике, а я что? Человек без опытности именно в том деле, за которое взялся; без друзей и знакомых именно в том месте, где должен был действовать, и сверх того с смешною доверчивостию, с смешною уверенностию, с смешною недоверчивостию, с смешными опасениями! И все это невпопад, все это не там, где должно!

Вот еще третье посещение! Долго ли это будет? Нет, нет. Даю себе честное слово нигде не быть в третий раз! Тут действует какое-то очарование.

Старая генеральша Щ., недавно приехавшая из провинции, на беду мою как-то услыхала обо мне: «Ах, познакомьте, пожалуйста! Это очень любопытно! Какая диковинка! Пожалуйста, пожалуйста! Поезжай, милый, ты ведь знаком с нею, скажи, что твоя бабушка, генеральша Щ., желала б иметь удовольствие видеть особу, столько замечательную по своему… по своему… ну там уж скажи, как знаешь, только привези мне ее».

Так говорила великолепная генеральша Щ. своему внуку, очень любезному молодому человеку, с которым я была знакома и иногда разговаривала с ним на вечерах у господина П.

Молодой человек приехал ко мне:

— Бабушка моя Щ. просит вас сделать ей честь, пожаловать к ней откушать. Не откажите ей в этом угождении, по летам она имеет на него право. Она в таком восхищении от ваших Записок и вчера еще читала их в другой раз… Мы смеялись потихоньку, видя, что она задумчиво качает головой и говорит про себя: «бедный Алкид!»

— Зачем же вы смеялись? Разве можно смеяться над бабушкою?

— Что делать! Удел молодости — ветреность!.. итак, позволите прислать карету за вами?

— Очень хорошо! Мне приятно будет узнать даму, которая

жалеет моего незабвенного Алкида.

Знакомство это началось и кончилось так же, как и прежние: то же внимание, участие, вежливость, радушие в два первые визита и та же сухость, холодность и даже грубость в третий и последний; впрочем, старая провинциалка превзошла всех: она в продолжение моего несчастного третьего посещения зевала, потягивалась, читала книгу, мурлыкала какую-то песню, призвала управителя, расспрашивала его о закупке съестных припасов, о здоровьи лошадей и отдавала какие-то приказания насчет мамки, няньки, Ваньки, Таньки и еще каких-то людей или животных, бог ее знает.

Я все сидела; я была уже знакома с превращениями из почетного гостя в нечто меньше собаки, и грубость, глупость, невежество нисколько не оскорбляли меня, я не ставила их ни во что.

Проделки старой дамы казались мне так забавны, что я решилась полюбоваться ими четверть часа лишнюю. Наконец почтенная генеральша, казалось, совсем забыла, что я сижу в ее комнате; я было подумала, что это и в самом деле так, но неловкая провинциалка не умела сыграть своей роли как должно и дала мне заметить, что она хотела представить знатную даму, не замечающую присутствия мелкого посетителя: она притворилась читающею очень внимательно свою книгу… Смешная женщина! Позабавившись этим зрелищем, я подошла к ней, приметно было, что она ожидала этого, потому что я не успела еще сказать ей, вежливо кланяясь, «простите», как она уже отвечала, не отводя глаз от книги и не пошевеля даже головою: «Простите… приходите…». Речь осталась не конченною; ее превосходительство снова углубилась в свою книгу, я ушла.

Год прошел, наступил другой. Я давно уже ограничила знакомство мое тремя домами и не принимаю ничьих приглашений отобедать, на вечер; и на все намеки: «Ах, как желает видеть вас такая-то!.. Меня спрашивают, где вы чаще бываете. Что вы не познакомитесь с такою-то, она очень интересуется вами!» — и еще много похожих на эти восклицания и вопросы слышу я у моих знакомых и всегда отвечаю на них одно и то же: «Благодарю!.. не могу!» Бывают и решительные приступы: после слов «благодарю, не могу» настоятельное требование — «Поезжайте, поезжайте непременно! Я за вас дала слово, что вы будете к ним», и говорят день, когда именно. Холодный поклон и молчание служат ответом и подтверждением первых слов.

Думая и передумывая о всех странностях, каких я была предметом и свидетельницею в столь многих домах, кажется мне,

что я наконец разгадала тайну. Как жаль, что разгадала ее поздно, как жаль, что дошла до этого опытом, а не рассудком! Жалкое ослепление! Смешное легковерие!..

Теперь я слушала бы все то, что мне было говорено в первый раз, точно так, как какие-нибудь форменные фразы, введенные обычаем, но не имеющие никакого определенного смысла и которым верить было столь же глупо, как если б кто поверил подписи «ваш покорнейший слуга» и принял бы ее в буквальном смысле.

Если б я потрудилась обдумать, на что именно имею я право в обществе, то увидела б ясно, что имею его на одно только любопытство.

Нет сомнения, что в первое свидание точно всякий хорошо расположен ко мне и точно желает быть знаком, потому что я, как и все, вышедшее из обыкновенного порядка вещей, возбуждаю какое-то участие, желание узнать лучше, сблизиться, разгадать и, наконец, показать свою находку друзьям, родным, знакомым; от этого последнего обстоятельства происходят те просьбы продолжать знакомство, те уверения в искреннем расположении, те приглашения на обед, на вечер, запросто когда; но как достигнут цели позабавить друзей своих зрелищем существа, перешагнувшего за черту обыкновенности, тогда начнутся толки и рассказы: «Мы вчера обедали у княгини Н. Н., она приглашала нарочно, чтоб посмотреть…» и называют меня.

«В самом деле! Так вы видели? Ну что, какова она собой? Хороша?» — «Нет». — «Воспитанна?» — «Нет». — «Может быть, очень умна?» — «Нет». А между тем я, о которой так расспрашивают и на которую сыплются все возможные «нет», являюсь к княгине Н. Н. в третий раз! Тут и клевета, которая от яркого света двух первых посещений пряталась под порогом, после третьего смело поднимает свою голову, показывает желтое лицо, мутные глаза и потихоньку, прихрамывая, начинает ходить из угла в угол, от одной группы к другой, и пятнать своим ядом что и как может.

В первое и второе посещение ей никто бы не поверил: после третьего верят все без исключения. После третьего я никому ни на что не надобна и все решительно охладевают ко мне, совершенно и навсегда!

И этому так должно быть. Этому нельзя иначе быть! Например: имею ль я для всех все, что нужно иметь, чтоб привлечь их постоянное внимание, уважение, дружбу? Всегда ли могу я быть приятным гостем? Что есть во мне такого, что бы занимало, веселило, радовало, удивляло? Ничего, совершенно ничего.

Госпожа Н. Н., превосходная музыкантша и певица, могла ль сказать со мною хоть одно слово о своих любимых занятиях, дающих ей такую большую цену в свете? Нет, разумеется! Потому, что я ни о том, ни о другом не имею понятия.

Всему есть свое место, своя цена, свое время, свой условный порядок. Чтоб быть предметом постоянного участия, ласк, дружбы, надобно соединять в себе все, что люди уважают, любят, чему удивляются, чем восхищаются, что влечет их к себе неодолимою силою, например: юность, красота, отличное воспитание, знатность, богатство, высокий ум, редкие дарования; но если вместо всего этого одна только необыкновенность, так довольно, за глаза довольно одного посещения!

Можно держать пари один рубль против тысячи, что всякий, кто читал мои Записки, при свидании со мною очень удивляется, что не находит во мне того интересного, семнадцатилетнего существа, плакавшего на могиле Алкида; ни того юношу-гусара в белом доломане, ни даже того молодого улана, которого заносчивый конь уносит в бурный проток. Теперь нет уже ничего похожего на это; им дела нет, что этому прошло так много времени, что тридцать лет имеют свою власть и свой вес. Что им за надобность! Они видят только, что человек, перед ними настоящий и о котором говорят, что это Александров, не похож на того, который столько заинтересовал их в своих Записках; и вот эти-то люди, по крайности большая часть их, верят глупцам, которые называют книгу мою романом.

Никакой свет не освещает таких страшных предметов, как свет опыта, потому что он освещает зло тогда, как оно уже сделано! Теперь я знаю людей, знаю цену их ласк, уверений, знаю, что какое слово значит у них; знаю, до какой степени чему можно верить, но что ж мне из этого? Что я выиграла через этот урок? Например, я и в пять лет от роду слышала пословицу: «не спрося броду, не суйся в воду!» — что ж помогло мне то, что я так заранее узнала ее?

Не помню, где-то я читала, что «через золото рекою слезы горькие текут». Довольно странно, что так не вовремя пришлось мне узнать справедливость то пословицы какой-нибудь, то стиха из песни: вот лежит передо мною на столе шесть тысяч золотом; это ведь все-таки груда, хоть и небольшая, и как бы хорошо было, если б она лежала одна только! Но увы, вот и еще лежит подле меня на диване моя собачка — мертвая! Она умерла оттого, что я никуда не могла брать ее с собою; она сидела все в горнице, во всяком другом месте она ходила бы со мной, здесь нельзя было. О, как охотно бросила б я теперь всю эту груду золота в лужу, если б только могла чрез это возвратить жизнь моему бедному

зверьку! Проклятые шесть тысяч! Стоили ль они, чтоб для их приобретения я прожила здесь так долго! Не думала я, что буду когда-нибудь жалеть о таком времени, о котором никто и никогда не жалеет. Однако ж я от всей души сожалею о том счастливом времени, когда у меня не было денег.

Самый тягостный народ эти утешители: ничего не знаю несноснее их! Двадцать раз в день приходит ко мне моя соседка говорить мне, что я худо делаю, что сижу близ моего мертвого друга, что ничего нет легче, как заменить эту потерю, и что это большая слабость сожалеть о собаке. «Мы теряем людей: друзей и родных, и тут не грустим так сильно!» — О, верю, очень верю! Оставьте, однако ж, меня, твердые люди! Сделайте милость, оставьте! Я за честь себе считаю не быть ни в чем похожею на вас! По крайности, на тех, которых случай дал мне узнать ближе. По-моему, лучше быть странно чувствительною, нежели расчетливо бесчувственною.

Коляска моя готова… слишком уже просторно в ней! Неразлучный спутник мой остается здесь, под зеленым дерном, спать сном, глубоким и беспробудным.

Теперь я еду на протяжных[43] и надеюсь дорогою окончить «Павильон».[44] В праздное время, которого у меня было слишком много в Петербурге, я вздумала описать одно очень страшное происшествие, в котором и я имела некоторое участие и которое и теперь еще служит тайною в том краю, где оно случилось; я было, занялась этим описанием очень прилежно и, благодаря хорошей памяти, которою наделила меня природа, припомнила почти от слова до слова рассказ унтер-офицера Рудзиковского, так же как и случай, давший повод к этому рассказу. Занятие мое шло как нельзя лучше, как вдруг смертные муки моего маленького четвероногого товарища и друга, моего бедного Амура, заставили меня проклинать все: и замысел писать, и поездку в Петербург, и бесцельное житье в нем, и адскую расчетливость, которая заставляла меня чего-то выжидать здесь. Собачка моя умерла, я целую неделю ничего не знала и не хотела знать о моем «Павильоне»; случаю угодно было, чтоб человек мой не счел этих бумаг годными на обертки подсвечников, ножей, вилок, ложек и сложил их все, как они были, на дно чемодана. Перед отъездом я спросила об них, но очень равнодушно, и, право, не оскорбилась бы нисколько, если б сказали, что ими растопили печь; однако ж мне подали мою кипу бумаг в целости, и я велела опять спрятать ее; дорогой буду писать во время продолжительных отдыхов моего возницы и его животных.

notes

Примечания

1

Василий Андреевич Дуров, род. в 1799 г., офицер уланского полка, впоследствии служил городничим в Елабуге. В 1834 году попал под суд за неправильные действия при рекрутском наборе. В 1839 г. был назначен городничим в Сарапул. См. о нем же в примечании к письму А. С. Пушкина В. А. Дурову от 16 июня 1835 г.

2

Имеется в виду популярная в начале XIX в. гадательная книга «Гадательный, древний и новый всегдашний оракул, найденный по смерти стошестилетнего старика Мартына Задеки». М., 1800 (2-е изд., 1812).

3

Областное — вятское, пермское — тарантас.

4

Герой романа Н. Греча «Черная женщина» (1834), по характеристике Белинского, «добрый, но слабый до пошлости человек, который вечно страдает от своей бесхарактерности».

5

Так называемая Александровская колонна, установленная в 1834 г. в Петербурге на Дворцовой площади против Зимнего дворца по проекту архитектора А. Монферрана.

6

Известная петербургская гостиница в центре города (на р. Мойке), принадлежала в конце XVIII—начале XIX в. директору Заемного петербургского банка Ф.-Я. Демуту; с начала 1820-х гг. принадлежала другим владельцам, но по традиции сохранялось название «Демутов трактир».

7

Часть города в старом Петербурге.

8

Жуковский В. А. (1783–1852) — поэт; Дурова ошибочно пишет В. П.

9

Петропавловская крепость, где были повешены пятеро декабристов.

10

Плетнев, Петр Александрович (1792–1865) — писатель, поэт, критик, издатель почти всех прижизненных книг А. С. Пушкина, один из его ближайших друзей; Плетневу посвящен «Евгений Онегин».

11

Мой друг. (франц.)

12

Очевидно, князь Дундуков-Корсаков М. А. (1794–1869), председатель цензурного комитета, с 1835 г. — вице-президент Академии наук.

13

Локонами. (франц.)

14

Герой романа Вальтера Скотта «Эдинбургская темница», владелец поместья (лэйрд) Домбидейкс, которого унесла лошадь.

15

Кайданов, Иван Кузьмич (1782–1843) — историк, автор учебников по русской и всеобщей истории.

16

Смирдин, Александр Филиппович (1795–1857) — книгопродавец и издатель, его книжная лавка на Невском проспекте была своеобразным литературным клубом, в котором встречались петербургские литераторы.

17

Здравствуй, мой друг! Мой добрый друг! (франц.)

18

Мой брат. (франц.)

19

Моя сестра. (франц.)

20

Будьте так добры. (франц.)

21

Картина художника Чернецова Григория Григорьевича (1802–1865) «Парад на Царицыном лугу» (1837), на которой в числе зрителей военного парада изображены многие деятели русской культуры того времени, в том числе А. С. Пушкин, В. А. Жуковский и другие.

22

Глазунов Илья Иванович (1786–1849) — петербургский книгопродавец и издатель.

23

Извините, господа, но я была так занята сегодня утром. Мне кажется, что время еще не так… Шесть часов с половиной!

24

Занята. (франц.)

25

Слова и обороты, вошедшие в русский язык из французского.

26

Персонажи комедии Ж.-Б. Мольера (1622–1673) «Дон Жуан, или Каменный гость».

27

О, прекрасное рассуждение! (франц.)

Зачарованная. (польск.)

29

Милан Кротонский — знаменитый греческий атлет, живший ок. 520 г. до н. э. Однажды на Олимпийских играх он поднял на плечи четырехлетнего быка и с ним четыре раза обошел кругом олимпийское ристалище, а затем в течение дня съел этого быка целиком.

30

Книжная лавка издателя и книгопродавца А. Ф. Смирдина (1795–1857) на Невском проспекте в Петербурге.

Кого имеет в виду Дурова, установить не удалось.

32

Милая простота. (франц.)

33

Выскочка. (франц.)

Окруженную сбродом. (франц.)

35

Имеется в виду басня И. А. Крылова «Лев состаревшийся».

Дитя трех лет. (Прим. автора.)

Очевидно, книгопродавца Смирдина А. Ф.

38

Персонаж авантюрного романа французского писателя А.-Р. Лесажа (1668–1747) «Хромой бес».

39

Рассказ Н. Дуровой «Елена Т-ская красавица, или Игра судьбы».

Кстати. (франц.)

41

Крез (595–546 до н. э.) — царь древнегреческого государства Лидии, обладал огромным богатством; Ир—нищий, персонаж эпической поэмы Гомера «Одиссея».

42

Имеется в виду роман «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» Михаила Николаевича Загоскина (1789–1852), изданный в 1829 году и пользовавшийся огромной популярностью; на деньги, полученные за этот роман, М. Н. Загоскин приобрел не деревню, а дом в Москве.

43

Так называлась езда на дальние расстояния без смены лошадей.

44

Повесть Н. Дуровой «Павильон», или иначе — «Людгарда, княжна Го-ти. Рассказ унтер-офицера Рудзиковского», напечатана впервые в «Отечественных записках» 1839 г. N 2.